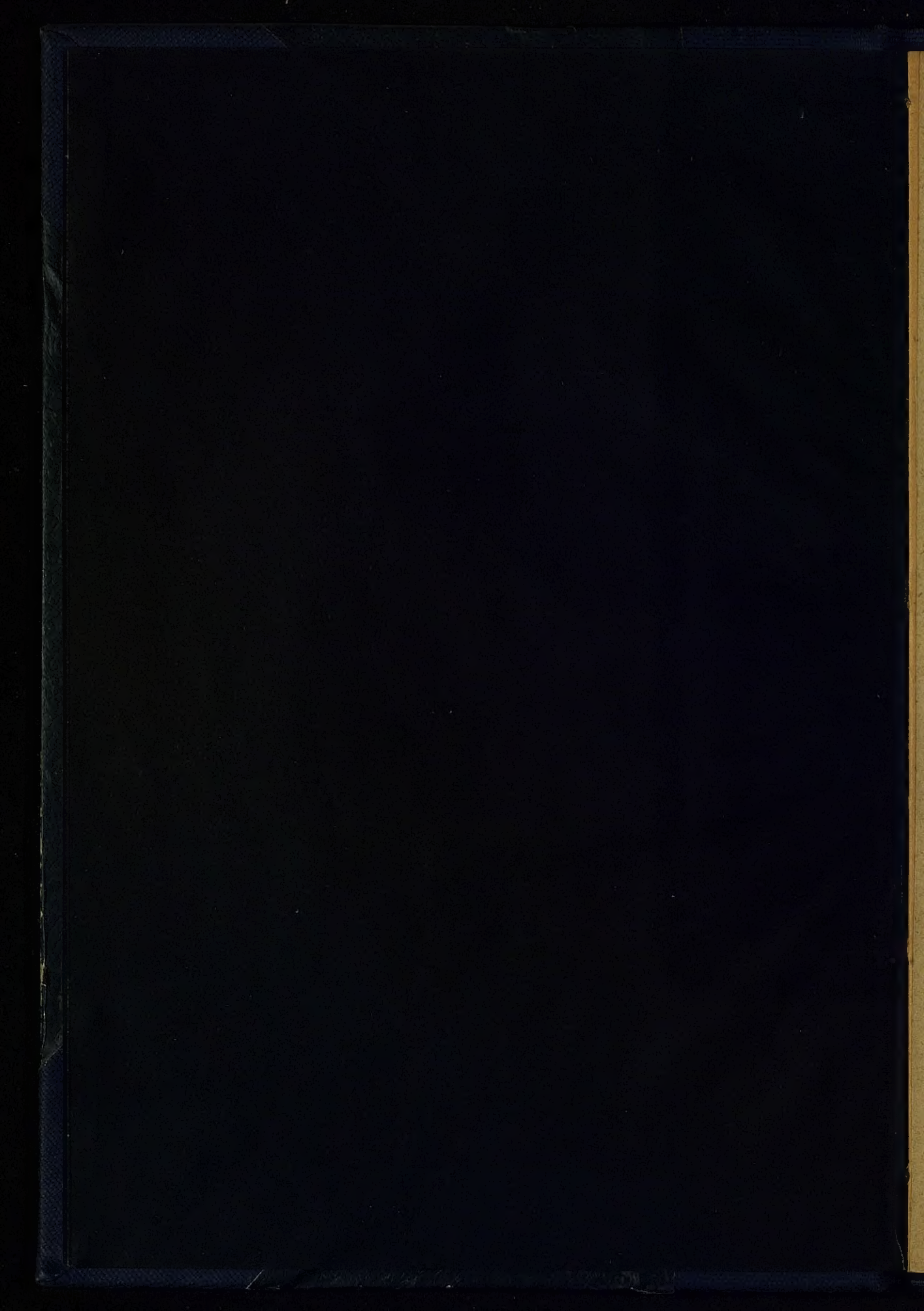

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЗАДАЧИ НАШЕЙ ПАРТИИ

ПОСЛЕ КОНЧИНЫ В. И. ЛЕНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ⬥ МОСКВА ⬥ 1924

Согласно заявлению Президиума XII конференции РКП (б.) (на заседании от 17-го января 1924 года) категорически воспрещаются какие бы то ни было издания и перепечатки протоколов партконференции, отдельных докладов и сборников постановлений без специального разрешения редкомиссии.

Зав. Агитпропотделом ЦК РКП

А. Бубнов.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЗАДАЧИ НАШЕЙ ПАРТИИ

ПОСЛЕ КОНЧИНЫ В. И. ЛЕНИНА

ДВА ДОКЛАДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◆ МОСКВА ◆ 1924

Главлит № 17.881. Тираж 5.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Издательства „Красная Новь“, Пименовская ул., д. 1/16.

О задачах РКП.

(Доклад на коммунистической фракции II Съезда СССР)

I. Введение.

Товарищи, последняя Всесоюзная парткоференция имела, в сущности говоря, значение партийного съезда. Она обсудила целый ряд важнейших вопросов. После встряски, которую пережила наша партия в связи с памятной всем дискуссией, работа Всесоюзной конференции вместе с работой пленарных заседаний Центрального Комитета нашей партии, которые происходили за это время, намечает целый ряд в высокой степени важных решений, которые определят нашу работу на месяцы, а в иных отношениях и на годы. Вся страна в связи с кончиной Владимира Ильича, — мы все это чувствуем, — переживает напряженное раздумье. Всем ясно, что эти дни положили рубеж в жизни страны, тем более, в жизни нашей партии. Естественна поэтому потребность у Центрального Комитета изложить перед таким авторитетным собранием, как ваше, свои соображения по ряду вопросов, решенных парткоференцией, оглянуться на пройденный путь и наметить вехи будущего пути. Мы знаем, и вы это, товарищи, знаете тоже, что последний год или даже полтора Владимир Ильич непосредственно уже не мог руководить работой. Однако, было бы смешно думать, что у нас сейчас просто все пойдет по-старому. Надо ясно отдавать себе отчет в том, что по-старому дело пойти не может. Все важнейшие решения XII съезда партии были, в сущности говоря, на $^{9}/_{10}$ подготовлены и предопределены известными вам всем работами Владимира Ильича. До сих пор у нас не было еще ни одного Всесоюзного партийного съезда, который намечал бы линию без помощи Владимира Ильича. Мы находимся теперь впервые в том положении, когда вынуждены будем сами искать себе дорогу. Наша задача, задача партии и Советской власти, если ее попытаться формулировать совсем кратко, сводится в настоящий период социалистической революции к следующим двум задачам: во-первых, укрепить социалистическое и хозяйственное строительство в городах, укрепить нашу государственную промышленность, и, во-вторых, завершить буржуазную революцию в деревне, завершить ее так, чтобы она одновременно послужила началом действительного соединения с социалистическим строительством в городах. Революция дала крестьянам землю, но этого уже теперь мало. Крестьянам нужен инвентарь, им нужны действительные, фактические, реальные средства, чтобы поднять свое хозяйство. В нашей государственной системе борются два начала: социалисти-

ческое, представленное государственным хозяйством, и буржуазное, представленное новой буржуазией. Весь вопрос заключается в том, какое из этих начал, какая из этих сил поможет деревне завершить начавшийся в 1917 году в деревне великий переворот,—мы ли, коммунисты, представители Советской власти, или представители новой буржуазии; кто даст им кредит и т. д.,—мы или новая буржуазия.

Мы приняли на нашем советском съезде постановление о сельско-хозяйственном банке. Это и есть, между прочим, одна из мер по завершению буржуазной революции в деревне в такой форме, чтобы завершение ее послужило одновременно началом социалистического строительства в деревне. Весь вопрос сейчас в том, кто поможет крестьянам получить этот кредит для того, чтобы они могли свою землю, как следует, обработать и свое хозяйство по-настоящему повести.

Такова центральная задача нынешнего исторического дня.

На этой почве у нас в партии, около партии происходят, происходили, до некоторой степени неизбежно должны будут происходить существенные разногласия,—разногласия, частью осознанные и оформленные, частью же неосознанные, неоформленные. Они охватывают примерно следующую группу вопросов.

Прежде всего,—вопрос о крестьянстве, об его роли в нашей революции. Это есть центральный пункт ленинизма. Не далее, как сегодня, мы читаем в отзыве Отто Бауера, одного из умнейших и виднейших представителей II Интернационала, указание на то, что основой большевизма, основой учения Владимира Ильича являются его новые взгляды на крестьянство, заключающиеся в том, что пролетариат, как гегемон в освободительной борьбе, должен руководить крестьянством, и что только в этом случае есть шансы на победу социалистической революции. Лучшие головы даже из II Интернационала начинают понимать, что как-раз здесь то новое слово, которое сказал ленинизм и в области теории, и в области практики. Нельзя скрывать от себя того, что некоторые наши расхождения зачастую связаны с тем, что мы не имеем еще достаточно глубокого понимания того, что сказано нового Владимиром Ильичом в вопросе о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства.

Вторая группа вопросов, по которым у нас происходят расхождения,—это взаимоотношение партии и государства. Перед XII съездом нашей партии вопрос этот возник в довольно острой форме. В значительной степени подпочвой разногласий в только-что закончившейся дискуссии также были эти вопросы—взаимоотношение партии и государства.

Третья группа вопросов—это оценка шансов революции вообще. И по этому вопросу у нас есть в партии очень неоформленные, очень неясные оттенки мнений и разногласий. У нас есть, правда, очень немногочисленные, но есть, группы и группочки, настроенные полупораженчески, в том смысле, что они из-за деревьев часто не видят леса, из-за отдельных трудностей пролетарской революции и отдельных трудностей переходного периода нэп'а они не видят основной линии, ведущей к победе.

Четвертая группа вопросов—это темп и характер нашего хозяйственного строительства. И по этому вопросу у нас есть существенные разногласия, иногда только организационные, а иногда более важные.

Пятая группа вопросов—это кадры и молодежь в нашей партии.

Шестая группа вопросов—организационные вопросы в широком смысле этого слова: роль партийного аппарата и т. д.

И седьмая группа вопросов, где расхождения еще менее оформлены,—

это вопросы международной политики и международного рабочего движения. И в этой области у нас намечаются иногда существенные расхождения. Я скажу о них совсем кратко. В области международной политики разногласия иногда идут по линии, должны ли мы сейчас быть более уступчивыми по отношению к иностранному капиталу для того, чтобы привлечь иностранный капитал поскорее и в большем количестве к восстановлению нашего хозяйства, или же мы должны остаться на старой линии неуступчивости. По вопросам международного рабочего движения намечаются оттенки, в связи с судьбами германской революции, о которых вы услышите из уст тов. Бухарина, и о которых вы кое-что знаете из печати, где вы могли прочитать, что отдельные члены нашей партии совершали крупные ошибки, поддерживая правое крыло германской коммунистической партии.

Вот, примерно, та сумма вопросов, где мы имеем более или менее оформленные, чаще менее оформленные, разногласия, частью эпизодического характера, — они завтра пройдут, — частью более оформленного характера. Это все те вопросы, от которых никуда не уйдешь, и в которых мы должны коллективным разумом партии стараться разобраться.

Я думаю, товарищи, что нам, прежде всего, однако, необходимо хорошенько вглядеться в то, что представляет собою сама наша партия в настоящий переломный, рубежный момент, когда мы стоим перед началом новой эпохи в жизни нашей партии и отчасти в жизни нашей страны.

II. Анатомия нашей партии.

Наша партия—величайшая рабочая партия в мире. Даже противники должны были признать и признавали не раз, что РКП есть единственная партия, которая ведет политику на научных основаниях, или почти на научных основаниях, что наша дисциплинированность, организованность не знает ничего равного себе в предыдущей истории каких бы то ни было политических партий. Наша партия самая великая организация, какую до сих пор знал мир. И, тем не менее, товарищи, наша партия как-раз в настоящий исторический период находится в положении в высокой степени сложном и трудном. Хорошо было бы, если бы мы с вами смогли сделать моментальный фотографический снимок с того, что представляет собою наша партия сейчас; если бы мы могли как бы рентгеновскими лучами осветить во всех уголках и составных частях нашу партию, чтобы увидеть, где ее слабые и где ее сильные стороны. Нам надо немного подробнее ознакомиться с анатомией и физиологией партии, как ее застает нынешняя эпоха после смерти Владимира Ильича.

Я попытаюсь, товарищи, вместе с вами как бы начертать схему того, что же представляет собою Российская Коммунистическая Партия в настоящее время.

Товарищи, вдумайтесь в следующие обстоятельства:

Прежде всего—территория, на которой приходится действовать нашей партии. Эта территория обнимает $^1/_6$ часть всей суши. На этом собрании фракции съезда, которая представляет собою коммунистов всего Союза, особенно легко, или сравнительно легко, представить себе, как громадно пространство, на котором нам приходится действовать. Пространство—это фактор немаловажный.

Второй момент—национальный переплет. Партия у нас едина, но страна наша населена десятками национальностей, имеющих совершенно различную историю культуры, часто друг-друга не понимающих на своем языке. Этот момент также немаловажный. По сообще-

ниям из Туркестана, Дагестана, Татреспублики вы можете узнать, какие дополнительные трудности имела у них партийная дискуссия, которая только-что была,—совершенно сверхкомплектные трудности,—именно потому, что там, вдобавок к остальным моментам, спор обострялся в сильной степени национальным моментом. Поэтому, когда мы хотим судить о том, что же такое наша партия сейчас, мы не можем ни на минуту забывать и этот момент,—что страна, состоящая из десятков национальностей, имеет одну партию, построенную не на национальном признаке. И так оно и должно быть.

Третий момент—Союз ССР распадается на несколько хозяйственных поясов. Вспомните, как писал об этом В. И., указывавший, что мы имеем в нашей стране и крупно-развитый капитализм, подготовивший зачатки коммунизма,—скажем, Москва, Донбасс, Ленинград, Иваново-Вознесенск. Но мы имеем также целые громадные области, равные целым иностранным государствам, которые еще не дошли до той ступени развития, которой характеризуется капитализм. Мы имеем еще весьма отсталые области, где господствуют средневековые хозяйственные отношения. Эта хозяйственная разнокалиберность, различие хозяйственной структуры, наличие ряда хозяйственных поясов, является моментом, в высокой степени осложняющим работу нашей партии. Мы имеем города и губернии, где коммунисты представляют собою сравнительно густую массу и опираются на вышколенный, организованный, политически грамотный коммунистический пролетариат. Но мы имеем и такие области, равные целым иностранным государствам, где коммунисты представляют собою совсем реденькую цепочку, совсем маленький слой, где рабочего населения почти нет, и где поэтому и политика партии должна в сильнейшей степени видоизменяться. Вот вам 3-й момент. Эту зарубку надо сделать на нашей схеме, чтобы представить в целом, что такое наша партия сейчас.

Возьмите 4-й момент. Партия наша пользуется монополией легальности. Она осуществляет диктатуру пролетариата и именно поэтому является единственной легальной партией в Союзе Республик. Она раздавила все остальные политические партии, она оставила за собой монополию на свободу печати, монополию на свободу политической работы. Хорошо ли это, или плохо? Хорошо! Но в этой монополии легальности есть и отрицательная сторона,—этого нельзя забывать ни на одну минуту. В чем заключается положительная сторона монополии легальности,—это каждому ясно. В чем заключается отрицательная сторона монополии легальности? Она заключается в том, что целый ряд групп, в том числе и некоторые рабочие, которые при другом положении вещей были бы не в большевистской партии, а в какой-нибудь промежуточной, или прямо меньшевистской, в настоящей стадии дела, когда монополия легальности принадлежит нам, эти группы и группки часто входят в партию или работают около партии, или пытаются организовывать фракции внутри партии. Почему? Да потому, что проявить себя политически или даже на хозяйственной арене в настоящую эпоху можно, только входя в нашу партию или примыкая к ней. Вот чем объясняется, что такие насквозь враждебные нашей партии группы, как группа „Рабочей Правды" или „рабочая группа" Мясникова, порвавшая с большевизмом, не пытались устроить самостоятельную партию, а пытались угнездиться в рядах большевистской партии, как „течение". Всякому понятно, что, не будь у нас монополии легальности, эти группы пытались бы так или иначе самостоятельно выступать на политической арене, и от этого меньше вреда было бы, чем тогда, когда они пытаются угнездиться в нашей партии и создают внутри РКП меньшевистскую по духу организацию. Этот 4-й момент—монополия легальности—имеет, повторяем, очень положительную сто-

рону. Нельзя осуществлять диктатуру пролетариата, если коммунистическая партия не имеет монополии легальности. Но эта монополия легальности имеет и большую отрицательную сторону, которая тоже должна стать зарубкой на нашей схеме, если мы хотим понять условия, в которых действует наша партия.

Пятый момент—наличность выходцев из других партий. Мы разбили все остальные партии, которые пытались опираться на рабочий класс и частью на крестьянство. Хорошо ли это? Разумеется, это хорошо. Мы перевели из этих партий меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д. в наши ряды значительное количество людей, относительно которых все мы убеждены, что это все лучшее, что было во враждебных нам партиях. Хорошо ли это? Разумеется, очень хорошо. Но это положительное явление имеет также и свою, если не отрицательную, то, во всяком случае, осложняющую дело сторону. У нас было членов партии, вышедших из рядов других партий, после чистки к концу 1922 года 22 тысячи с лишним.

Выходцы из других партий составляли к концу 1922 г. 22.517 человек. Из них в процентах: бывшие с.-д. и Бунд—49,4%, бывшие интернационалисты—3,9%, бывшие лев. эсеры—12,7%, бывшие правые эсеры—17,5%, бывшие анархисты—2,8%, прочие—13,0%.

На 8.828 ответственных работников РКП, вошедших в разработку, вышедших из других партий выходцев 2.602 (29,5%). Из числа этих последних: рабочих—784, крестьян—31, служащих—709, интеллигентов—1.042, нет свед.—40.

Я думаю, что не ошибусь, если эту цифру приму за более или менее прочную цифру. Вероятно, сейчас немножко больше. Большинство составляют рабочие, бывшие меньшевики и эсеры. Очень значительную группу составляют, однако, ответственные работники—не рабочие. Товарищи, было бы, разумеется, нелепо и не по-товарищески с нашей стороны каждый раз напоминать отдельному товарищу, что он принадлежал раньше к другой партии.

Но, товарищи, в такие моменты, как теперешний, когда мы хотим обозреть все положение вещей в нашей партии, я думаю, мы не можем пройти мимо этого момента, который играет серьезную роль в жизни нашей партии. У нас почти 25.000 членов партии, вышедших из рядов других партий. Из них больше 8.000—9.000 таких товарищей, которые раньше играли заметную и активную роль в жизни меньшевистской, эсеровской партий, которые были там активными работниками. Среди них более 3.000 таких, которые являются ответственными активными работниками теперь в нашей партии. Само собой понятно, что этот момент также должен лечь некоторой зарубкой на ту схему нашей партии, которую мы с вами стараемся вызвать перед нашими глазами. Очень большая часть этих товарищей является теперь большевиками, не хуже любого из нас. Но вместе с тем, если взять этот слой, как массовый слой,—25.000—это массовый слой,—никто не станет отрицать, что у этого массового слоя не может не быть некоторых таких пережитков, которые осложняют работу нашей партии сейчас, и которые в некоторые трудные переходные моменты не могут не сказаться. Этот момент надо себе зарубить, чтобы точно представить себе сложность обстановки, в которой находится наша партия сейчас.

Шестой момент—возрастные группы в нашей партии. Ведь, наша партия имеет совершенно своеобразную историю. Партия наша, если вести ее историю даже со второго съезда, с момента раскола с большевиками меньшевиков, т. е. с 1903 года, имеет уже больше 20 лет за собой, а между тем, личный состав партии не только не имеет за собой 20 лет, но не имеет и пяти лет. Громадное большинство членов нашей партии состоит в нашей партии всего 2 или 3 года. Вот передо

мною таблица, с которой я считаю необходимым вас ознакомить. У нас в конце года считалось 386.313 членов: из них членов партии до 1905 года—2.517 (0,7%), до 16-го года включительно—7.914 (2%), до 17-го года включительно—35.154 (9,1%). Итого по 17-й год включительно около 50.000. 1918 год дает 63.643 (16,5%), 19-й год—107.840 (27,9%), 20-й год—121.789 (31,5%), 21-й год—40.419 (10,5%), в 22-м году приема не было, без указания—7.037 (1,8%).

О чем говорят нам эти цифры? Они говорят нам о совершенно своеобразном развитии нашей партии. Партия, которая имеет за своими плечами четверть века истории, имеет личный состав на ¾ с 1919 г. Разумеется, в этом нет ничего плохого,—такова была история нашей партии, неразрывно связанная с историей нашей революции, но, товарищи, для того, чтобы видеть те трудности и ту сложную обстановку, в которой партии приходится действовать, нельзя забывать об этом в высшей степени важном и иногда очень осложняющем работу нашей партии моменте. Работа партии в подполье создала резервуары из лучшей части пролетариата, которые в 17-м году влились в нашу партию, но все еще в сравнительно небольшом количестве. Главный приток начинается в 18-м и даже 19-м годах, только когда прочность Советской власти стала вырисовываться более ясно. Своеобразный ход развития нашей партии неразрывно связан с ходом развития всей нашей революции и создал в этой области сверкомплектные трудности. Возрастной момент в нашей партии есть проблема, от которой не уйдешь. Таков шестой момент, на который я прошу обратить ваше внимание.

Седьмой момент—то, что называется по-ученому флуктуацией в партии. Флуктуация—это значит прилив и отлив, вступление и выход из партии, передвижение членов. Каждая рабочая партия, когда она дает себе отчет в работе, скажем, за год, она отмечает: за год столько-то тысяч прибавилось, столько-то тысяч ушло обратно. Происходит эта флуктуация в больших или меньших размерах в каждой рабочей партии, которая развивается в так-называемых нормальных условиях. А у нас с вами как развивалось дело? Какова была флуктуация у нас? У нас к концу 1923 года оставалось в круглых цифрах четыреста тысяч членов партии и более ста тысяч кандидатов. Но у нас было время, товарищи, когда было почти восемьсот тысяч членов партии, не считая кандидатов. Вот в каких бешеных размерах происходила эта флуктуация у нас. Это не то, что пять тысяч пришло, три тысячи ушло. У нас дело шло так, что сначала устремился огромный поток, доходивший почти до миллиона человек,—поток, в котором было много сильного, но который принес с собой и много плохого, много шлаков, много плохих элементов, которые всплыли на поверхность, и мы должны были потом принять специальные меры чистки. У нас флуктуация шла в громадных размерах. По нескольку сот тысяч человек притекало, затем обратно оттекало назад, частью самопроизвольно, а частью под нашим давлением. Разве такой момент мог пройти бесследно для жизни нашей партии? Разве такой момент не оставляет определенного осадка в тех или других частях нашей партии? Этот момент, несомненно, должен был создать и создал для нас крупные трудности. Чтобы представить себе нашу партию сейчас, не нужно забывать и об этом моменте флуктуации.

И, наконец, последний момент, на который я хотел указать, не потому, что это действительно последний момент, но потому, что надо же остановиться только на главном,—это вопрос о разделении труда в нашей партии. Без разделения труда наша партия не может существовать. Мы знаем, что наша партия должна теперь из своих собственных рядов давать и Председателя Совета Народных Комиссаров,

и председателя волкома, и руководителя профессионального союза, и управляющего банком, и красного дипломата, и красного директора, и делегатку от крестьянок, и торгового представителя за границей, и рабочего от станка, и красноармейца рядового, и начальника дивизии,—все это партия должна дать из своих членов, из своей среды, ибо мы обслуживаем целое государство, мы управляем целым громадным государством, и притом обнимающим шестую часть земной суши. Нам поэтому необходимо громадное разделение труда в нашей партии. Разделение труда в нашей партии осуществляется в общем не так плохо. Но, товарищи, именно это есть плоскость наибольших трений, наибольших организационных трудностей, наибольшего сопротивления человеческого материала. И именно это разделение труда приводит к целому ряду громадных внутренних трудностей для нашей партии. Прикиньте хотя бы самые основные группы в нашей партии на основе принципа разделения труда. Первая группа—рабочие от станка. Их у нас в настоящий момент 50.668 (15,9%) и кандидатов 20.178 (20,6%). Вторая группа—крестьяне от сохи; их у нас к концу 1923 года 65.498 (20,7%) и кандидатов 26.243 (27%). Рабочие от станка составляют 16% всей партии, крестьяне от сохи—27%. Третья группа работников Красной армии, их у нас теперь около 40 тысяч (я после приведу более точные цифры), и притом все почти эти 40 тысяч находятся на командных постах или являются политработниками, являются головкой армии,—момент, товарищи, в высокой степени осложняющий работу партии. Четвертая по численности группа в настоящий момент—это учащаяся молодежь, которая составляет также около 40 тысяч, пожалуй, немного побольше членов нашей партии, на партах сидящих, которые имеют свою сильную сторону, но которые имеют и свою слабую сторону, свои беды, свои тяжелые кризисы, которые не могут не наложить известный отпечаток на работу партии.

Дальше идут более мелкие группы. Я их только перечислю. Скажем, группа служащих—большая группа; группа администраторов, которая, я думаю, довольно сильно представлена в этом зале: председатели губисполкомов, председатели уездных исполкомов,—работники, которые составляю ядро Советской власти, руководящую ее часть, группа, которая подбиралась все эти годы и теперь в основном накопила громадный административный опыт, без которого мы не можем управлять страной, но которая имеет также свои недостатки и свои специфические черты.

Дальше идет группа хозяйственников, не очень многочисленная, но очень влиятельная, имеющая громаднейшее значение в том смысле, что по результатам ее работы нас судят беспартийный рабочий и беспартийный крестьянин; они судят по красному директору, по председателю треста. Это группа, которую партия с таким трудом подбирала и еще не совсем подобрала, но уже в значительной части подобрала. Эту группу нельзя ни на одну минуту упускать из вида, если вы хотите иметь перед собою сколько-нибудь объективный чертеж того, что представляет собою РКП в настоящий момент.

Дальше идет группа работников профессионального движения, которая также имеет свои сильные и свои слабые стороны и свою особую психологию. Далее — наши торговцы, кооператоры и прочее.

Я взял только 10 наиболее важных групп. На самом деле у нас разделение труда еще гораздо больше, еще детальнее, и можно было бы насчитать еще большее количество групп.

Так выглядит, товарищи, наша партия сейчас. Чтобы закончить с этой частью, я приведу еще некоторые более точные цифры. Прежде всего, самое число рабочих в госпромышленности возросло с 1921

года с одного миллиона почти до полутора миллионов,—с 1.050.000 до 1.450.000. За два года прибавилось 400.000 рабочих. В одном Ленинграде число металлистов за год удвоилось: с 28.000 до 61.000. И растет число рабочих повсюду.

Я вам приводил уже число членов РКП—рабочих у станка; число рабочих вообще в нашей партии значительно больше; число рабочих в партии вообще 150.236, а не 50.000, они составляют 46,3% всего наличного состава партии. Из этих 150.000 приходится до 50.000 на рабочих от станка, а 100.000—на рабочих во всех других местах: значительная часть в Красной армии, другая находится на административных постах, третья—на хозяйственных, четвертая—на профессиональной работе, в государственных аппаратах в узком смысле этого слова и т. д. Всех крестьян, а не крестьян „у сохи", у нас в партии 82.711 (24,9%). Служащих и проч. 98.707 и 40 тыс. в нашей Красной армии. Таким образом, получается всего 380.000. Район распространения: главный промышленный район—106.000; земледельческий район—73.000; Украина—42.000; Сибирь—30.000; Закавказье—19.000; Туркреспублика—13.000; Киррреспублика—10.000 и т. д. Я не буду перечислять всех групп.

Таковы, товарищи, те цифры, которые нам надо иметь в виду. Не надо забывать еще РКСМ, нашей завтрашней смены, которая в настоящий момент (на 1/XII 1923 г.) насчитывает 381.819 членов и 68.858 кандидатов, и в котором большинство тоже составляют крестьяне. Из этого числа рабочей молодежи 39%, крестьян 41% и остальных 20%.

Возрастная группировка членов РКП по 40 губерниям Центральной России такова: до 24 лет—29,4%, от 25 до 34 лет—45,2%, от 35 лет и старше—25,4%.

Таким образом, товарищи, если вы хотите себе представить, что такое наша партия сейчас,—вы ни на минуту не должны упускать из виду той схемы, которую я слабой рукой перед вами начертил. Только имея перед собою эту схему, можно что-нибудь понять в тех спорах, которые велись в нашей партии, и которые могут в той или другой форме возникнуть перед нами еще раз. Мне кажется, что в этой схеме основными являются два момента: это пять, примерно, возрастных групп, если взять основные, и 10 групп по специальности, которые я вам перечислил. Это—основное в этой схеме; все остальное есть фон картины. Пять надо помножить на 10, и тогда вы получите 50 некоторых делений, 50 некоторых швов, некоторых загибов, какие на бумаге можно загнуть. Этот момент, товарищи, ни в коем случае нельзя упускать из вида. Эти швы—невидимые швы, но учесть их надо. Все это до сих пор было увязано,—и надеемся, останется, увязанным и дальше,—единым партийным узлом, партийной дисциплиной, партийной программой, партийной сплоченностью. Но, товарищи, эти швы все-таки существуют, и при серьезной политической ошибке и даже при серьезной организационной ошибке с нашей стороны эти швы могут дать о себе знать. По этим 50 швам может начать у нас распарываться кое-где, по этим 50 загибам может начаться кое-где известное тление. Вот почему, товарищи, мы должны, разумеется, помнить (и мы всегда помним), что наша партия является самой великой пролетарской организацией, которую когда-либо знал мир, которую когда-либо знала человеческая история. Но мы вместе с тем не должны ни на одну минуту забывать, что именно нашей партии приходится работать при страшно трудных условиях, когда она управляет страной, и что поэтому у нее имеются сверхкомплектные трудности, такие, каких не может быть ни у какой другой партии. Сравните судьбы нашей партии с судьбами, скажем, германской ком-

мунистической партии, одной из наиболее сильных в Интернационале. Она, вероятно, имела перед исключительным законом не меньше членов, чем мы. Но у них 98, даже 99% одних рабочих, как в свое время было и у нас. Германская компартия есть партия, которая готовит восстание. Она—партия, которая 0,99 своего времени посвящает, как в свое время делали и мы, пропаганде и агитации. Вот почему у них кризисы имеют совершенно другой характер, чем у нас.

У нас мог бы стоять выбор такой: маленькая партия, 100—150 тыс., состоящая исключительно из рабочих,—вот одна из возможных перспектив. Другая перспектива—партия, которая состоит не только из рабочих, но и из крестьян и служащих и частью из интеллигенции, в которой мы пытаемся серьезными революционными мерами иногда постепенно и медленно, а иногда довольно быстрыми шагами, как теперь, увеличить удельный вес рабочей группы в партии. Вот две возможные перспективы. Из них мы сознательно выбирали и выбираем теперь вторую. Мы не можем пойти на то, чтобы превратить опять нашу партию в исключительно рабочую по составу, на 95 или 98% из рабочих. Почему не можем? Потому что мы решили уже первоначальную задачу низвержения буржуазии, мы решаем сейчас другую, гораздо более высокую задачу управления государством, которое мы взяли в свои руки. Управлять же государством в такой стране, как наша, где громадное большинство принадлежит крестьянству, нельзя, конечно, партии, которая имела бы в своих рядах исключительно городских рабочих. Вот почему наша партия не может быть теперь исключительно рабочей по своему составу. Это, товарищи, надо ясно видеть.

Один молодой товарищ сказал, что „вся беда“ нашей партии заключается в том, что она стоит у власти. Здесь в парадоксальной форме высказано кое-что правильно. Действительно, если бы он сказал, что все трудности нынешнего дня заключаются в том, что партия стоит у власти, это было бы верно. Да, все „несчастье“ партии состоит в том, что она стоит у власти. Но, с позволения этого товарища, и все счастье ее заключается в том, что она стоит у власти. Ибо партия, ведь, не есть самоцель и не может быть ею. Партия есть не что иное, как орудие освобождения всего рабочего класса и всех трудящихся.

Вот почему мы отличаемся теперь от германской коммунистической партии и не можем вести курса на превращение нашей партии в исключительно рабочую по составу. Мы должны итти по второму пути, но, однако, мы должны и можем (для этого создалась теперь историческая обстановка, о которой я еще буду говорить) теперь в сильной степени увеличить удельный вес рабочей группы в нашей партии уже не медленными мерами, не в гомеопатических дозах, а революционными мерами, о которых я еще буду говорить. Таким образом, товарищи, я думаю, что для того, чтобы понять суть наших споров, недавно закончившихся, нам нужно, отвлекаясь от всех мелочей, которые неизбежны в каждом споре, отвлекаясь от того обострения, которое прошло, и, надеюсь, навсегда, мы должны помнить, что есть кое-какие большие, основные, коренные трудности, с которыми нам всегда придется считаться. Когда перед нами будет стоять какой-либо новый поворотный момент, когда назреет вопрос о принятии каких-либо новых крупных политических или внутрипартийных, или организационных решений, перед глазами каждого ответственного работника нашей партии должна стоять та схема нашей партии, тот чертеж ее, который мы с вами здесь пытались набросать для того, чтобы представить себе сколько-нибудь наглядно,

каковы те трудности, какова та обстановка и та материальная среда, в которой приходится работать нашей партии.

III. Горький быт.

Кроме этих объективных трудностей, у нас, разумеется, были и, конечно, будут еще и субъективные ошибки. Мы слишком долго по инерции оставались в кругу идей военного коммунизма. Мы не проявили тут, может-быть, достаточной эластичности. Мы слишком долго задержались на определенном этапе, который надо было пройти быстрее. Это было. Я считаю в высшей степени преувеличенным, когда, пытаясь говорить о недавнем прошлом нашей партии, „критики" кричали, что партия наша хромая, слепая, глухо-немая и т. д. Это вздор: если бы она была хромая и слепая, ее бы давно спихнули в могилу. Охотников было достаточно, сил работало над этим немало,—над этим работала не только вся внутренняя контр-революция, но и вся международная буржуазия. Но что в нашей партии были слабости,—это безусловно. Когда говорят, что партия наша живет на 2 этажа, я считаю, что это значит отравлять партию. Нельзя этого говорить, ибо это неправда и демагогия. Но это не значит, что мы не должны видеть тех теневых сторон, которые в жизни нашей партии были. В ответ на мою статью, опубликованную 7-го ноября, мы получили около 1.000 откликов. Все их не удалось еще прочитать и до сих пор, но из тех, которые удалось прочитать, я считаю наиболее интересным документом письмо одной московской работницы т. Соколовской с фабрики „Красная Звезда", которая писала мне под заголовком „Горький быт": „Придешь на собрание и сидишь, как необходимая часть, придаток к машине, принимаешь к сведению—и больше никаких. А самый-то корень жизни нашей партии полностью остался непонятым. На собрании ты сидишь и принимаешь тот или иной вопрос к сведению, а, уйдя с собрания, ты этот вопрос жуешь, как сухую корку, таишь в своей больной груди. Теперь коснусь местных выборов: ты—меня, я—тебя, и больше ни гвоздя; мы—передовые, тебе стыдно меня отвести, мне стыдно тебя отвести; против нет никого; принимается единогласно; товарищи, поддерживайте список". Товарищи, вы все знаете, что здесь перед нами моментальная фотография с некоторых больных сторон нашей внутрипартийной жизни, крывать которые было бы грех. Резолюция Политбюро нашей партии и Президиума ЦКК от 5-го декабря 1923 г. принята всерьез и надолго, проводить ее мы должны серьезно именно потому, что такой „горький быт" в нашей партии был, и что мы должны побороть его во что бы то ни стало; этот „горький быт" партия коллективной рукой должна взять за горло и положить на обе лопатки. Много было шума, и немало меня упрекали по поводу того, что я в своей статье сказал о господствовавшем у нас „штиле". Но, товарищи, я сошлюсь на то, что и другие товарищи употребляли такие же слова. Вы помните, когда на X Съезде Владимир Ильич говорил, что у нас пассивность продолжится еще года два, и только тогда рабочие выразят нам полное доверие, когда вернется настоящий рабочий на заводы. Чем же слово „штиль" хуже, чем слово „пассивность"?

Но не то плохо, что мы сказали громко и с подчеркиванием, может-быть, провозгласили, что в нашей партии есть темные стороны, а плохо то, что по этому поводу пытаются создать лишние трудности для партии.

Никто никогда не возразит против письма этой работницы Соколовской, которая не пощадила красок. Она написала так, что ка-

ждое слово бичует наш быт, бичует то, что было плохого в нашей партии. Да, это был горький быт, но он в значительной части связан также и с объективными причинами—с голодом, с распылением пролетариата, а также с субъективными трудностями, с тем, что мы слишком долго задерживались на определенных этапах, вместо того, чтобы итти дальше.

Если бы наши товарищи-критики указывали на недостатки партии в товарищеской форме; если бы при этом чувствовалось, что у них так же болит душа, как у этой работницы, у нас не было бы таких острых споров. Если бы товарищи-критики позаботились, кроме того, привести некоторые деловые указания, как исправить зло, то мы были бы им искренно благодарны.

Обострение спора началось с того момента, когда положение партии стали изображать исключительно в черных красках, когда стали говорить о двух этажах, т.-е. бросать ядовитые слова о партии, не давая никаких указаний, как же из трудного положения выйти.

На фоне всего этого, у нас выкристаллизовались споры по вопросу о молодежи, о перерождении, о партаппарате. Эти вопросы разрешены партконференцией. Вы имеете эти решения, к которым вы все, по всей вероятности, примкнете. Моя задача заключается в том, чтобы подытожить наши споры и сделать некоторые выводы.

IV. Вопрос о молодежи.

Чем больше мы отходим от этих споров, тем больше выясняется истинная обстановка в нашей партии. Возьмем спор о молодежи. Никто не позаботился привести цифры о том, как обстоит дело в этом отношении по губкомам и губисполкомам. Представляли дело так, будто у нас имеется группа старой гвардии, которая не понимает, что нужно дать доступ на широкую политическую арену и новым слоям партии, пооктябрьским ее слоям. Если бы наша старая гвардия, действительно, была так настроена, что она все хочет делать одна за всю партию, если бы она не понимала основной задачи привлечения молодого поколения нашей партии к широкой работе, тогда этой старой гвардии была бы грош цена, и, конечно, она не заслужила бы даже того, чтобы о ней спорили. Само собой разумеется, что главная задача старой гвардии состоит в том, чтобы быть передаточным колесом от основного ядра к новым ее слоям, помочь этим слоям выйти на широкую дорогу.

Никто из критиков не позаботился выяснить и проверить, действительно ли небольшая группа членов партии, которая до 1905 года составляла 2 с половиной тысячи, а до 1916 года—7 с лишним тысяч, не дает возможности новым слоям выйти на широкую дорогу.

Теперь мне удалось собрать некоторые цифровые материалы, которые, я думаю, послужат лучшим аргументом в нашем споре.

Посмотрим, например, каков состав пленумов губкомов, которые были главным предметом этих нападок. Посмотрим, верно ли, что в них, в основных органах партии, засела исключительно маленькая группа стариков. Имеющиеся у меня материалы доказывают, что это неверно. Поступивших в партию до 1917 года среди членов губкомов (во всей партии) только 4,2%, поступивших в 1917 г.—24%, поступивших после 1917 г.—36%. Другими словами, поступивших с 1917 г. и позже в губкомах—60%. Далее, по возрасту: до 25 лет—8,7%, от 26 до 35 лет—49,6%, и остальных только 35%, т.-е. другими словами, в возрасте с 26 лет до 35 лет мы имеем 50% членов губкомов. Можно ли сказать, что это, действительно, Мафусаилов возраст, что там сидят

люди, из которых сыплется песочек? Из этих цифр следует как-раз обратное, т.-е. то, что у нас иногда слишком молодой состав. У нас зачастую управляют целыми уездами, обнимающими довольно значительную территорию, совсем молодые товарищи. То же бывает и в губерниях.

А каков состав губисполкомов, этих центральных узловых административных, советских органов нашего Союза Республик? В числе членов губисполкомов поступивших в партию до февральской революции—22%, поступивших в 1917 году—20%, поступивших в 1918 и 1919 годах—44%. Итак, с 1917 года и позже—64%, а если прибавить и остальных, вошедших в партию после февральской революции, то получится 78%. Можно ли сказать, после этого, что у нас в центральных основных органах управления Союза Республик нет достаточно молодых товарищей, того поколения, которое составляло сильнейшую сторону нашей революции? 78%, мне кажется, достаточно все-таки солидный процент.

Возрастный состав членов губисполкомов (у нас есть сведения и относительно членов ВЦИК'а, но так как это сравнительная малая группа, то я не буду на ней останавливаться): до 25 лет—6%, от 26 до 35-ти лет—54%. Опять и опять вы видите, что основной возраст, около 26-ти лет, составляет громадное большинство. Можно ли сказать, что наш состав губисполкомов непременно нуждается в омоложении? Мне кажется, что скорее приходится сказать обратное.

А вот президиумы губернских советов профессиональных союзов: поступивших в РКП до февральской революции—19%, поступивших в 1917 г.—10%, поступивших в 1918 и 1919 гг.—46,7%. Считая с 1917 г. и позже—71%. По возрасту состав таков: до 25-ти лет—9%, от 26-ти до 35-ти лет—56%. Опять и опять, товарищи, где же мы видим тут какой-то наплыв стариков, где мы видим тут монополию старой гвардии? Наоборот, мы видим, что почти 60% и в этих органах сидит, как это и следует, людей того возраста из октябрьского поколения, который является основой нашей революции. Если взять сведения учраспреда, (есть такое „страшное“ учреждение, которое подверглось особой бомбардировке во время дискуссии, это „аппаратчик“ из „аппаратчиков“), то там на учете состоит 8.014 руководящих всероссийских областных и частично губернских работников. Из них „подпольников“ до 1917 года—1.906, или 21%, а 79% наших ответственных работников всероссийских, областных, губернских и частично уездных,—79%, товарищи!—вошли в партию после 1917 года. Можно ли сказать, товарищи, что тут у нас не соблюдена пропорция, и что Центральный Комитет, будто бы, считал, что чем старше, тем всегда лучше? Я мог бы вам привести еще ряд таких же цифр, но, думается, этого будет достаточно. Приведу еще только цифры относительно председателей губисполкомов, т.-е. советской верхушки. Учтено 110 председателей. Из них до 1911 года были в партии 36 человек, до 1916 г.—11 человек, до 1917 г.—22 чел., до 1919 г.—33 чел. и 1920 г.—8 чел. В процентах товарищей, вошедших в партию, начиная с 1917 г. и позже,—58%. Можно ли здесь сказать, что не соблюдена пропорция? Нет, этого сказать нельзя. Таким образом, мне кажется, что в этом вопросе товарищи из оппозиции жестоко промахнулись не только теоретически, не только принципиально, но и фактически, поднявши крик вместо того, чтобы порыться в материалах, собрать данные.

Если бы оказалось, что партия в деле распределения людей не соблюла пропорции, тогда была бы опасность, тогда нужно было бы вносить поправки, но и тогда партия должна была это сделать спокойно, организованно, через свою партию, как подобает большевикам. Однако, на деле оказалось, что никакой диспропорции нет, что по-

правок вносить не нужно, скорей необходимы поправки в другую сторону. А товарищи, не справившись в святцах,—бух в колокол. Они предъявляют обвинительный акт партии, поднимается громадная волна возбуждения среди наиболее незрелых элементов, среди учащейся молодежи.

И тут некоторые цифры будут для вас интересны. В Москве есть район—Хамовнический, где победила слабым большинством оппозиция. Интересно взглянуть на состав этого района. Там преобладают учащиеся (много вуз'ов). Но среди самих учащихся соотношение такое: из общего числа коммунистов-учащихся в 2.721 человек приходится на бывших рабочих—15%, бывших крестьян—7,7%, служащих и проч. 75,2%!! Вот каков иногда бывает состав нашей учащейся молодежи! Товарищи, как-будто не грех было бы раньше, чем предъявлять обвинительный акт своей партии и поднимать молодежь против основных кадров партии, справиться с некоторыми цифрами и узнать, что в одном из районов в Москве, а не где-нибудь в Чухломе, среди студентов-коммунистов 75% не рабочих и не крестьян, а, как здесь сказано, „служащих и прочих". Вы знаете, мы пытались ставить серьезные рогатки в последние годы для вхождения в нашу партию. Кто обскакивал эти рогатки? Рабочий не обскакивал, крестьянин мало их обскакивал, а обскакивали вот эти „служащие и прочие". Они через все рогатки проскочили в партию. И это понятно. Возьмем Украину, она мне немного знакома. Конечно, украинский экстерн—бойкий парень, конечно, он обскачет 10 раз шуйского ткача. Ткач поленится 5 раз пойти в комитет, он не знает, как это сделать, он не будет искать рекомендаций, а экстерн найдет и пять рекомендаций и пройдет в партию. Это относится, если и не к „горькому", то, во всяком случае, не к сладкому быту нашей партии, но это факт. И вместо того, чтобы видеть это, вместо того, чтобы справиться, как обстоит дело в Хамовниках, авторитетнейшие товарищи из оппозиции по этой линии подняли борьбу против основных кадров нашей партии, не разобравшись в фактах, не видя того, что если и есть какая-либо опасность, то как раз с другой стороны.

Чтобы покончить с цифрами, я приведу вам сведения о коммунистах в Красной армии; как я сказал, их около 40 тысяч, точная цифра—38.179. Из них бывших офицеров—4%, бывшего младшего комсостава в старой армии—14½%, бывших рядовых—18%, не служивших вовсе—63%. По возрасту: 23 лет—25%, 24 лет—40%, 25 лет—28%. Вы видите, что самый молодой возраст—23—24—25 лет составляет и в этой группе почти ¾ коммунистов. Можем ли мы говорить тут о каком-нибудь засилье старой гвардии? Разве мы не видим и тут того же, что мы видели в других областях, а именно того, что цвет, молодое поколение, выкованное революцией, без которого никакие старики в партии ничего не могли бы сделать, составляет на ¾ группу коммунистов и в нашей Красной армии? В данном случае приходится жалеть не о том, что слишком много партийных стариков в Красной армии, а скорее об обратном.

Мне кажется, что цифры эти достаточно ясно показывают, что линия нашей партии, нашей партийной конференции в этом вопросе была и остается глубоко правильной. Ход событий сигнализировал нам некоторые опасности, которые имеются в этой группе учащихся членов нашей партии. Хорошо то, что мы увидели эту опасность: лучше раньше, чем позже. Это не значит, что мы должны поссориться с этой группой членов нашей партии. Ни в коем случае! Да, у нас получилось такое ясное разделение: рабочие ячейки во всех крупных центрах за линию большевизма, за линию ЦК, а в вуз'ах иногда большинство против. Я сам слышал от старого рабочего большевика,

как он говорил несколько сурово: „раньше у нас говорили, что ребята бузят, а теперь приходится говорить, что ребята вузят (от слова вуз‘ы)“. Было несколько обидно основному поколению рабочих-большевиков видеть такое положение, какое было в Хамовниках и других местах. Значит ли это, что мы махнем рукой и скажем: они „вузят“, махнем на них рукой. Ни в коем случае! Это было бы ошибкой. Мы не можем махнуть рукой на эту группу наших членов партии, но не можем допустить, чтобы в какой-нибудь мере остался осадок против них.

Что тут нужно? Нужно то, что решила конференция—учить, учить и еще раз учить. Разъяснять, разъяснять и еще раз разъяснять. Вот что нам нужно по отношению к этой группе молодежи.

Конечно, у значительной части этой группы уже сейчас произошел перелом, у другой это будет, может-быть, позже. Ход событий, вероятно, некоторые группы, наименее социально связанные с нами, отсеет от нас. Но понятно, что группа членов партии, выделенная нами для того, чтобы учиться и потом поработать в рядах нашей партии, должна встретить достаточно дружелюбия со стороны наших партийных организаций и достаточно терпения. Опасность сигнализирована. Мы видим, как через эту среду получается обволакивающее влияние мелкой буржуазии. Но против этого яда мы употребим в должной дозе противоядие, мы сумеем достаточно терпеливо, как учил нас Влад. Ильич, разъяснять этим людям, у которых, конечно, добрые намерения, которые хотят быть большевиками, но еще не сумели стать ими, их ошибки. Так обстоит дело с вопросом о молодежи.

Мы стоим по-прежнему на том, что стержнем нашей партии должна оставаться та группа работников, которой выпало на долю пережить три революции, создавать нашу партию, тот костяк рабочих-большевиков, которые помогли В. И. создать нашу партию, из которых, конечно, многие погибли, но часть еще жива. Вы знаете, что их приходится ценить не по количеству только. Вы знаете цену такому старому рабочему, кадровику-большевику. У нас таких дубов из рабочих-большевиков осталось некоторое количество в центрах. Мы вместе с тем понимаем вполне, что основная масса членов нашей партии, вошедшая после октября, не имеет подпольного стажа, но имеет другой стаж, который во многих отношениях не хуже. Она имеет стаж гражданской войны. Это поколение, выкованное и закаленное в ходе гражданской войны, выдвинулось из низов, из этого чернозема, и состоит из превосходнейших людей. Между этими двумя поколениями должна быть в партии известная пропорция, за соблюдением которой мы должны следить. Если бы начались неправильности, то, конечно, ЦК и все рычаги партии должны были бы быть приведены в движение, чтобы эту пропорцию восстановить. Но из всех собранных цифр совершенно ясно, что эта пропорция в общем и целом соблюдена.

Вот почему глубоко ошибочным было ставить дело так, будто учащаяся молодежь является барометром нашей партии. Вот вы видите сейчас переломный момент в жизни нашей страны и нашей партии в связи с кончиной Владимира Ильича. Где настоящий барометр? Он—среди тех рабочих, которые могучей волной устремились в партию. Вот это подъем, который дает возможность обновить партию рядом революционных мер, создать как бы новую партию. Вот действительный барометр. Кто же не видит, что это есть настоящий барометр, который позволяет определить правильное соотношение классов в нашей стране, который дает возможность видеть, крепко ли стоит пролетарская диктатура?

V. „Перерождение".

Перехожу к вопросу о перерождении. Здесь было внесено особенно много раздражения,—я не буду на этом останавливаться, возьму то, что имеет принципиальное значение. Вы знаете, что был брошен упрек основному ядру ЦК и старым кадрам партии вообще, что они не застрахованы от перерождения, и что даже, может-быть, это перерождение началось. Теоретически говоря, это перерождение возможно, эта опасность не исключена, и мы никогда на это глаз не закрывали. И тут нужно было, прежде чем бросать такой упрек, выяснить путем анализа действительную политику этой группы в области хозяйства, в области международной политики и в области классовых взаимоотношений. Нужно было попытаться доказать, что действительно эти упреки имеют под собой какую-либо почву. Вы знаете, что в данном случае такой попытки не было сделано. А если бы она была сделана, то ничем, кроме краха, она не могла кончиться.

Спросим себя, что означает в нынешней обстановке упрек в перерождении. Что хотели этим сказать? В нашей стране судьбы республики определяют ныне 2 класса—рабочий класс и крестьянство. Мы считаем себя пролетарскими революционерами, которым, благодаря правильной политике, удается руководить основными массами крестьянства. Если нас упрекают в перерождении, то это имеет лишь тот политический смысл, что вот, мол, вы считаете себя пролетарскими революционерами, а сами не заметили, как съехали с пролетарского седла и попали на крестьянское, или, другими словами, превратили пролетарскую политику в мелкобуржуазную. Делался ли когда-либо раньше такой упрек большевикам? Да, он делался еще в самый момент зарождения большевизма. Вот одна маленькая выдержка: „Почему бы проказнице-истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального революционного марксизма?". Кто писал эти слова? Это писал Павел Аксельрод в 1903—4 г. По адресу кого? По адресу Ленина! И их в то время с удовольствием цитировал тот самый товарищ, который ныне бросил нашему ЦК обвинение в перерождении. Тов. Ленину не раз и не два в течение всего хода борьбы с меньшевиками бросали упрек в том, что ты мнишь себя пролетарским революционером, но почему бы проказнице-истории не пошутить такой шуткой, что на деле ты окажешься не чем иным, как мелкобуржуазным пролетарским демократом, а вовсе не пролетарским революционером. По этой линии шла борьба долгие годы, когда меньшевики еще кутались в тогу ортодоксальных марксистов и обвиняли большевизм, что, будто бы, он совершает оппортунистический уклон в сторону мелкой буржуазии. Вот почему это обвинение, поскольку оно имело какое-нибудь политическое значение, было рецидивом меньшевизма: оно повторяло те основные обвинения по адресу большевиков, которые мы слышали с момента зарождения большевизма.

Здесь дело не в лицах, мы знаем, что в горячем споре обе стороны горячатся, а дело в политическом содержании этого обвинения. Дело не в том, что обвиняли X или У, а дело в том, что большевизму, как направлению, как политической школе, с самого начала бросался этот упрек, что вы себя считаете марксистами, а на самом деле возглавляете мелкую буржуазию. Было ли это обвинение верно,—судите сами. Я думаю, что оно было глубоко неверно, и что партия наша дала на этот счет недвусмысленный ответ.

VI. Вопрос о партаппарате.

Третий вопрос, о котором мы спорили, это вопрос об аппарате. Я не буду тут подробно на нем останавливаться, отсылая товарищей к своей статье на эту тему. Я приведу только цифры, которые говорят, что весь наш аппарат по Союзу Советских Республик обнимает всего 18 тысяч человек, в том числе ответственных 8—9 тысяч. Для такой громадной страны, как наша, где партия обслуживает не только чисто-партийные надобности, но и государственные, это не есть чрезмерная цифра. Я приводил в своей статье статистику относительно ответственных работников, как центральных аппаратов, так и в ЦК. Из этих цифр было уже видно, что работники не засиживаются в этих аппаратах, а большинство работников даже года не просидело, т.-е. не имеет той надлежащей специализации, которая необходима. Теперь совершенно ясно, что по внешности мы спорили об аппарате, а по сути о другом. Тут мы подошли вплотную к вопросу, на который я намекнул в своем вступлении: к вопросу о взаимоотношении партии и государства, о взаимоотношении мнимого бюрократизма в партийном аппарате и действительного бюрократизма в советском аппарате. Я не говорю, что у нас совершенно нет бюрократизма в партийном аппарате,—он есть, и партийный аппарат нужно чистить от него, но нужно это делать умеючи. Как рабочие говорили на дискусси, чистить машину хочешь? Хорошо. Если у тебя есть вторая машина, тогда можно первую остановить и чистить, а если второй машины нет, нужно чистить на ходу, но так, чтобы головы не поломать. Эти же рабочие говорили: мы понимаем эту тактику оппозиции: „бей по столбам, а забор сам упадет“. Рабочие прекрасно разбирались, прекрасно понимали, в чем дело. Мы спорили не только об аппарате, но кое о чем другом: о том, в каком отношении находится партийный аппарат к советскому.

Вы помните, товарищи, статьи Владимира Ильича относительно советского аппарата. Он не оставил камня на камне в нашем советском аппарате, бросив упрек, что наш советский аппарат напоминает старый царский аппарат. Худшего обвинения быть не может, и мы знаем, что это обвинение более или менее правильно. С тех пор кое-какие успехи достигнуты, но все еще недостаточные, государственный аппарат все еще плох, и нам предстоит над ним работать годы. Бюрократизм советского аппарата—вот основной наш враг. И здесь зло объясняется не плохой волей наших администраторов, а тем, что государственный аппарат вырос на старом фундаменте, мы не могли его высосать из пальца, мы должны были его строить из старых кирпичей. Куда же апеллировал Владимир Ильич против этого советского бюрократизма? Он апеллировал к партии, к партийному аппарату! Вот где мы искали спасения. Тов. Лениным выдвинут был определенный план ЦКК и РКИ, еще не проведенный, и мы должны его провести. Мы наблюдаем такую картину, что многие из матерых бюрократов,—имена я не буду называть,—были самыми отъявленнейшими „демократами“ в этой дискуссии.

Когда им преподносили демократическую резолюцию, им этого было мало, подай им еще больше „демократии“. Что это показывает? Это показывает, что эти матерые демократы знают, что у нас есть такой железный партийный большевистский аппарат, который не только принимает резолюции,—мы знаем, что это дешево стоит,—а может железной рукой схватить за горло, достать из-под земли в любом комиссариате такого бюрократа и поставить его на должное место. Вот для чего нужен этот аппарат! Вот почему иногда не любят „аппаратчиков“. Такова координация советского бюрократизма и бюрократизма

партии. Бюрократизм в партии есть, бороться против него надо. Но все-таки, если мы сравним эти две машины, то мы в порядке очередности говорим: мы должны через партийный наш аппарат чистить советский, в то же время подчищая свой партийный. И тут мы подошли к сердцевине вопроса о взаимоотношениях партии и государства. Все те элементы, которые нам давно известны, которые печально прославились тем, что они хотят немножечко освободиться от „излишней" опеки партии, вновь дали о себе знать. Опять-таки не буду называть имен, вы сами многих знаете, ибо вы помните дискуссию перед XII Съездом партии, как они бешено нападали тогда на наш партийный аппарат, потому что они хорошо знали, что если бы удалось ослабить этот стальной, этот железный большевистский партаппарат, тогда, действительно, наступит некоторая „свобода", „раскрепощение", эмансипация от партийного влияния. Таким образом, в этом пункте перекрестились все основные вопросы, связанные с основами пролетарской диктатуры. Здесь встал основной вопрос о взаимоотношениях партии и государства.

VII. Вопрос о фракциях.

Наконец, последний вопрос, который вызвал так много споров, это был вопрос о фракциях. По этому вопросу у нас было особенное единодушие в партии, и я на нем не буду останавливаться вовсе. Вы знаете, что мы решили опубликовать один из пунктов неопубликованной резолюции, которая была в свое время предложена тов. Лениным и принята на X Съезде партии. В № 22 „Прожектора" вы можете найти фотографию, настоящую фотографию с рукописи резолюции, написанной тов. Лениным и принятой на X Съезде, против фракционных группировок.

Я думаю, товарищи, что не стоит распространяться перед вами теперь, насколько опасна фракционность в нашей стране. Вспомните о том чертеже нашей партии, который я вам чертил в начале своего доклада. Вспомните о партийно-возрастных делениях, о делениях по отраслям работы, по специальностям. Вспомните, что там оказалось 50 клеточек, и тогда вы увидите, в чем опасность фракции у нас. Было время, когда и мы были фракцией во 2-м Интернационале. Мы десять лет или даже больше жили в одной партии вместе с меньшевиками и были только фракцией. Такие времена были. И мы тогда боролись за расширение прав фракции. Нехорошо поступил тов. Тер-Ваганян, который выпустил недавно книжку, которая озаглавлена „Ленин о задачах внутрипартийного строительства", где он приводит цитаты тех времен, когда Ленин и мы были в плену у меньшевиков, были фракцией в общей с меньшевиками партии и, конечно, требовали себе прав. Он цитирует эти слова и говорит, что Ленин смотрел на эти вопросы не так, как смотрит партия теперь. Хорошо это или нет, товарищи? Я думаю, вы сами понимаете, что это нехорошо. Тогда было такое время, когда мы были сами фракционерами и стояли за фракции, добиваясь для них прав. То время прошло. Теперь Коминтерн стремится быть партией, вылитой из одного куска в международном масштабе. Что означают фракции, например, две фракции в Красной армии? Никакой Красной армии! Что означают две фракции в ГПУ? Это значит никакого ГПУ, и вы это сами отлично понимаете. Если мы дадим им полную свободу фракций, получится то, что в каждом из приведенных выше 50 делений, можно будет еще 5 новых делений создать. Если еще хозяйственники распадутся на фракции, если еще наши дипломаты распадутся на фракции,—а почему бы нет?—если наши профессионалисты распадутся на фракции, если красноармейцы распадутся на фракции,

то что у нас получится? Получится гибель Советской власти и гибель пролетарской диктатуры.

Вот почему мы с такой страстью и с такой непримиримостью отнеслись к этому вопросу. Товарищи иногда представляли дело так: сам они (т.-е. мы) любят-де, быть фракцией, а другим не дают. Обвинение это несостоятельное. Вы знаете, что Центральный Комитет нашей партии был избран 0,99 голосов. Товарищи из оппозиции обещали нам, что и на будущем съезде ЦК будет также избран единодушно. Поживем,—увидим. Но, во всяком случае, какая это фракция, когда ЦК избран 0,99 голосов? Нет, товарищи, тут дело не в голой перебранке, а в том, что наступила другая историческая эпоха. Было время, когда мы могли быть фракцией 2-го Интернационала; было время, когда мы могли быть фракцией в общей с меньшевиками партии. В 1908 году Владимир Ильич (я вам цитировал на торжественном заседании отрывок из того, что писал тов. Ленин) говорил: пока это еще фракционный, литературный спор, а кончится он гражданской войной. Так оно и случилось. Гражданская война развела эти прежние фракции и литературные группировки по разные стороны баррикады.

Если мы хотим управлять страной, мы не можем допустить таких моментов (есть логика фактов), которые таят в себе раздвоение диктатуры, параллелизм в правительстве. Ибо параллелизм в партии, две правящих группы в партии, означал бы две правящих группы в правительстве. Это была бы раздвоенность диктатуры, а это, в свою очередь, было бы гибелью пролетарской диктатуры. Вот почему в вопросе фракции мы должны были занять и заняли ту позицию, которая вам известна.

VIII. Что за этим стоит в стране?

Так обстоит дело с нашими внутрипартийными спорами. С точки зрения коренных принципов большевистской партии мы абсолютно правы. Чем дальше мы отходим от этих споров, тем яснее, что с точки зрения ленинской, большевистской партии, мы целиком и полностью, до последней запятой, правы против тех, которые пытались потрясать партию в эти месяцы. Но, товарищи, мы не были бы большевиками, если бы мы ограничивались этим ответом, что мы правы, как большевики. Мало ли что? Да разве в России каждый крестьянин обязан быть большевиком? Мы знаем, что Россия обнимает 140 миллионов людей. В ней много большевиков, но много и небольшевистского, рыхлого, мелкобуржуазного, мещанского, даже и в рабочем классе, и, думаю, нечего греха таить, имеется отчасти и в нашей партии. Мало что мы правы, с точки зрения большевиков. Это еще только полдела. А настоящий вопрос заключается в том, что же, однако, за всем этим стоит в стране. Конечно, мы, как большевики, были правы против, скажем, кронштадтских бунтарей (извините за сравнение),—что и говорить. Однако, назавтра же встал вопрос, что же, однако, за этим стоит в стране, что они выразили. Теперь, после пережитой дискуссии кризиса, мы обязаны тоже поставить перед собой именно этот вопрос. Вот почему я думаю, товарищи, что главный вопрос заключается теперь уже не в том, чтобы решить, правы ли мы, старые большевики, или те оппозиционеры, которые критикуют нас, ибо этот вопрос решен, и решен окончательно: во всех партиях Коминтерна очень скоро тоже это поняли. Вопрос сейчас в том, что же, однако, стоит за этим в стране. При этом, товарищи, конечно, надо подходить к этому вопросу не упрощенно. Не так стоит дело, что такой-то, имя рек, выражает в стране, и что выражают его противники. Конечно,

надо взять все это явление в целом. Вероятнее всего, что оно отражает какой-то довольно глубокий процесс. Я думаю, что оно отражает две вещи: во-первых, рост активности самих рабочих масс. Рабочие теперь, когда им уже не приходится думать о куске хлеба, когда этот вопрос более или менее разрешен, стали активнее, они выросли на целую голову. Среди беспартийных рабочих накопилось много культурно выросших элементов, которые хотят участвовать в нашей партийной работе, в профсоюзах, в советских органах. Все они за эти шесть лет пережили столько, сколько раньше не переживали за целую жизнь. На фабрики и заводы вернулось около полумиллиона рабочих, коренных пролетариев, которые уверовали в Советскую власть, которые многому научились, закалились, которые стали грамотнее. У них руки чешутся, они хотят работать, хотят по-настоящему участвовать в партии, в советской организации, в профсоюзах. И в крестьянстве есть такой слой молодняка, главным образом, через Красную армию воспитанного, который также созрел, поднялся, вырос, возмужал и хочет по-настоящему участвовать в строительстве новой жизни. Вот это есть первое явление, которое служило подпочвой наших споров. Это явление, разумеется, в высокой степени положительное, которое станет источником новой силы для нас, притока свежей крови к партийному организму. И, разумеется, на этой основе по-старому нельзя руководить партией. Если у нас есть сто или больше тысяч новых, культурно подросших активных рабочих, то, конечно, для того, чтобы их вовлечь в наши ряды, для этого жизнь партии должна оживиться, для этого нужно внутрипартийную демократию ввести серьезно, по-большевистски, энергично и настоятельно, как этого требует сейчас время.

А второй момент заключается в следующем: в нашей стране растет и подымается не только рабочий класс и не только лучшая часть крестьянства,—растет и поднимается прослойка новой буржуазии городов и деревень, мелкой буржуазии, которая добивается теперь для себя прав политических, которая ставит вопрос, как вы увидите дальше, о „политическом нэп'е". Я вам приведу, товарищи, несколько литературных материалов на этот счет, потому что политических материалов у нас очень мало, опять-таки потому, что монополия легальности у нас, и у нас не так-то легко заявить себя буржуазной демократии так, как она этого хотела бы. Поэтому отголоски этого явления приходится искать больше всего в зарубежной белогвардейской прессе.

Вот передо мной журнал „Воля России", который выходит в Праге и издается правейшими эсерами. Там помещена статья некоего „Зрителя", который описывает беседы с приезжающими из России представителями советской буржуазии. Товарищи, так как с представителями советской буржуазии мне, грешному,—думаю, и вам,—лично приходится встречаться довольно редко, то особенно интересно встретиться с ними хотя бы в виде такого литературного портрета. Этот правый эсер с возмущением описывает, как эта советская буржуазия настроена теперь в пользу Советской власти: „Теперь (приезжающие из России) и одеты прилично, и выглядят сытыми людьми". Потом он допрашивает о туалетах одну из советских буржуазных дам. Та говорит, что у нас в витринах выставлены туалеты не хуже, чем у вас за границей. Наконец, эсер начинает агитировать, что нужно скинуть Советскую власть, а приезжие советские буржуа отвечают: „Вы же видите, что они не скидываются". Одним словом, эта советская буржуазия настроена довольно дружелюбно к нам. Тем более интересны отзывы. „Мне теперь приходится задавать вопрос: ну, скажите, а что же отрицательного вы видите в жизни современной России, если, по-вашему, все идет к улучшению и благополучию? И вот почти все от-

вечают: „Нет газеты, которую мы могли бы читать (оказывается, „Известия“ их не удовлетворяют!), нет никаких обществ, в заседания которых мы могли бы пойти, нет свободы... Все продолжают итти по указке... коммунистической партии. В этом отношении ничего не изменилось, хотя и наступил нэп“.

Мне кажется, этот отрывок очень интересен. Архирасположенная к нам „советская“ буржуазия, которая нас хвалит, которая говорит, что мы „не скидываемся“, и что нас не скинуть, которая говорит, что есть у нее теперь и чай, и театр, и белая булка, и солисты, а вот своей газеты нет, а в свое собрание пойти нельзя. Переведите это на другой язык и выходит: нет политических прав для новой буржуазии, нет политической демократии, в буржуазном смысле этого слова. Это совершенно ясно из этих слов. Пока была забота о куске хлеба, пока была знаменитая печка-буржуйка, и то не у всех, они не думали об этом, а сейчас вот они начинают думать о политических правах. Товарищи, это серьезная прослойка и серьезная опасность, которую надо определенно видеть. В газете „Дни“, которая издается правыми эсерами в Берлине, во время дискуссии писалось прямо: „России нужен нэп политический“... „Пока обыватель... не потребует себе „рабочей демократии“, до тех пор никакая дискуссия... весны не сделает“.

Вот как ставит вопрос новая буржуазия, и ставит не случайно: в настоящий момент она должна его поставить и неизбежно его поставит.

У русской эмиграции сейчас открылась дискуссия на тему о том должны ли иностранные правительства признать Советскую Россию или не должны. Я об этой дискуссии говорить сейчас не буду, но одна статья об этой дискуссии захватывает и наш вопрос. В статье г. Прокопович, этот бывший министр Керенского, выступает против признания Советской России и говорит: что же, если признают их сейчас все правительства, иностранный капитал должен будет потечь в Россию, но для этого ему нужно будет предоставить известные политические права, иначе никакой капиталист не пойдет. И он заявляет по этому поводу так: „Вовсе не надо быть пророком, чтобы предсказать, что при настоящих условиях бесправия (иностранные) капиталы... „не придут“... А капиталы нужны... Значит, остается другой выход,— дать иностранцам все права и гарантии. А нам?“.

„А нам?“,—вопрошает Прокопович. (Смех). Вот как стоит вопрос,— совершенно реально. Если завтра нас будет признавать Франция, Англия, и, вместе с тем, начнутся сношения с иностранным капиталом, то, значит, иностранная буржуазия получит какие-то права, и тут русские буржуазные демократы сейчас же ставят вопрос:

„А нам?“.

Вот, значит, как ставит вопрос новая буржуазия. Она его не ставила так в 1919 году, когда думала, что она нас скинет, а сейчас она его ставит и будет ставить.

В связи с этим наши споры получили совершенно другой характер. Меньшевик Дан в статье, которую мы вчера получили, пишет: „Только вынесши свою тяжбу с „аппаратчиками“ за грани партии, только поставив политическую проблему во всей полноте и расширив вопрос о „внутрипартийной демократии“ до размеров вопроса о демократии государственной, могла бы „оппозиция“, с известными шансами на победу, сделаться средоточием демократических социальных сил, заинтересованных и т. д.“. Вот как пишут меньшевики. Они знают, где раки зимуют, они говорят, что кое-какие шансы у критиков партии были бы только, если бы у оппозиции была смычка между этими новыми силами и теми, кто добивается „поли-

тического нэп'а". Конечно, товарищи, наши товарищи из оппозиции с негодованием отвергнут эти заигрывания с ними. Я не говорю, что они в этом повинны. Но есть логика вещей, и я говорю: растет новая прослойка буржуазии, городской и сельской, которая находит себе политическое выражение. И, в связи с этим, крайне интересна выдержка из письма некоего Л—ина, проживающего в Москве и сотрудничающего в эсеровской газете „Дни". В этом письме, озаглавленном „Дискуссируем", он пишет: „Мы окончательно потонули в чудовищных слухах. Характернее всего, что эти слухи распространяют маленькие коммунистики, стоящие на периферии разных ячеек. У них появилось новое настроение: желают быть „интересными" для стоящих вне партии. Особенно те, которые принадлежат к оппозиции".

Это очень интересная бытовая черточка. В этих указаниях есть доля правды. Некоторая „смычка" обывательской группы в нашей партии с этими кругами получилась, и, товарищи, в этом есть громадная политическая опасность.

Кускова, также небезызвестный вам автор, пишет в тех же „Днях": „Если оставить в силе старые слова, что якобинизм может быть побежден лишь самими якобинцами, то для того, чтобы одна часть якобинцев наступила на горло другой, нужно, необходимо, чтобы у наступающей части уже образовался психологический контакт с новыми силами, выросшими из-под ярма коммунизма".

Вот как ставят дело люди, понимающие кое-что в политике. Они уже готовы чуть ли не образовать нечто в роде „контактной комиссии" для связи с этими нашими товарищами из оппозиции. Конечно, товарищи наши за это ответственности не несут. Но мы видим, что Кусковы уже лелеют мысль, как часть якобинцев,—якобинцы—это мы с вами,—наступит на горло другой части якобинцев.

Мы надеемся, товарищи, добиться того, что обе части „якобинцев" наступят на горло этой контр-революционной буржуазии, которая хотела бы от нас получить „демократию" для себя. (Бурные аплодисменты).

Таким образом, товарищи, если мы спросим, что стоит в стране за всеми теми спорами, которые мы пережили и передумали,—а передумала партия за это время много,—мы должны будем сказать, что за ними стоят сейчас два крупных явления: во-первых, рост активности здоровых слоев рабочих, вернувшихся на фабрики и заводы, и некоторой прослойки крестьянства, у которых руки чешутся, которые хотят войти в партию. Лучшую их часть нужно взять, а для того, чтобы их привлечь, нужно провести рабочую демократию внутри партии.

Вторая же группа явлений заключается в том, что под скорлупой нэп'а,—и мы, как марксисты, должны это знать,—зарождается и начинает развиваться новая более или менее активная сила новой буржуазии. Она нам нисколько не страшна. Мы еще десятки раз сумеем подстричь ей головку; но мы не должны забывать, что зреют новые силы в городах и деревне, что эти новые силы находят себе отражение и в кругах учащейся молодежи, и в некоторых советских спецах, и в новой буржуазии, которая думает: „Теперь у меня есть кусок хлеба, есть теплая квартира, театр, теперь давай мне газету и политические права".

Помните, что говорил тов. Ленин: „Уступки крестьянину делать необходимо. Целый ряд уступок мелкому и среднему крестьянству абсолютно необходим, и даже с крупным крестьянством в некоторых вопросах нужно искать соглашения, а меньшевиков и эсеров—в тюрьму".

Требование „нэп'а политического"—это требование формулировано теперь с ясностью, которой не могло быть два года тому назад. Те-

перь эта формулировка представителей новой буржуазии дана. И мы должны видеть, что за нашими спорами стоит и кое-что от этой новой буржуазии, и кое-кто из наших оппозиционеров служит рупором для этой новой мелкой буржуазии. Это не могло быть иначе. И именно потому, что мы имеем монополию легальности, именно потому, что в нашу среду входят такие люди, которые в других случаях были бы в другой партии,—неизбежно, что в известный момент тот или другой товарищ, или та или другая группа товарищей будет становиться рупором этих мелкобуржуазных слоев.

IX. Партия и беспартийные. Прием 100 тысяч рабочих от станка в партию.

Теперь мы переходим к выводам. Прежде всего мы должны вновь указать на первое явление, которое я назвал положительным: на наших глазах новые слои рабочих, у которых руки чешутся, которые хотят активно участвовать в нашей жизни; они созрели для этого и тянутся к нам. Из этого явления вытекает та политика, которая вполне твердо намечена Центральным Комитетом нашей партии, и которую мы должны начать проводить немедленно по возвращении на места.

Партконференция приняла постановление принять в ряды нашей партии не меньше 100 тысяч рабочих от станка. Теперь, в связи с кончиной Владимира Ильича, движение беспартийных стало особенно ярким. Мы все это видим. Это есть самое замечательное явление наших дней. Мы видим теперь, после кончины Вл. Ильича, постановления целых фабрик и заводов о вхождении в партию, при чем рабочие сами говорят, что надо выбрать самых крепких и послать их в нашу партию. Движение это приняло небывало массовый характер. Не подлежит никакому сомнению то, что созревало это настроение исподволь. Эта потенциальная энергия накоплялась и раньше, мы ее видели в отдельных уголках, но сейчас она превратилась в кинетическую энергию, она выявила себя, показала себя наглядно. Это есть явление в высшей степени важное и отрадное, показывающее, как, несмотря на все превратности судьбы мы остались единственной рабочей партией, связанной с массами. Это обстоятельство побуждает нас построить несколько иначе нашу партию. Центральный Комитет принял постановление, что мы проведем 3-месячную кампанию, чтобы влить в нашу партию не меньше 100 тысяч рабочих от станка.

Товарищи, тут надо прямо сказать, что у нас на этот счет были традиции не особенно хорошие; товарищи кое-где чувствовали себя не по себе, когда собиралось несколько сот рабочих. Конечно, рабочая масса не всегда так относилась к нашей партии, как относится сейчас. Вспомните кронштадтский момент: как тяжело было нашим ячейкам на фабриках и заводах, когда они должны были с винтовкой в руках удерживать рабочих, чтобы они не ушли с завода. Был момент, когда мы были только меньшинством среди рабочих. Момент этот, правда, был очень краток, и историческая заслуга нашей партии заключалась в том, что, будучи меньшинством, мы сумели выполнить нашу историческую миссию. Этот момент был кульминационным пунктом наших трудностей.

Сейчас мы видим другой кульминационный пункт, другой полюс. Мы видим массовую волну симпатий беспартийных рабочих на новой экономической основе, когда рабочему стало житься легче, когда у нас прибавилось 400 тысяч рабочих за 2 года, когда растет заработная плата и производительность труда. Все вы должны теперь отбро-

сить массо-боязнь. Все преграды для вступления в партию, которые были для рабочих от станка, надо убрать с дороги полностью и начистоту. Если мы будем мудрить, мы рабочих в партию не пропустим, опять пройдет только экстерн, но не рабочий. Нам нужно убрать все рогатки с дороги и пойти навстречу этой волне. Конечно, потом не все осядет в партии. Часть уйдет. Трудности будут. Если мы берем 100 тысяч рабочих в нашу партию, то, конечно, их надо будет учить, воспитать. На это пойдут годы. Но мы должны, как следует, поставить нашу работу, должны отрешиться от глупых угловатостей преподавания политграмоты. ЦК думает, что теперь достаточно пройти с этими рабочими небольшой курс истории нашей партии в связи с биографией Владимира Ильича. Это будет ленинский призыв в партию. Конечно, это немножко обидно слышать основному ядру наших рабочих, которые работали под руководством тов. Ленина не один год, а десяток лет. Конечно, они являются настоящим ленинским призывом. Но и эта масса хлынула к нам в связи со смертью Владимира Ильича и под его знаменем.

На местах надо смело поставить этот вопрос, не боясь массы. Я слышал, что некоторые товарищи уже забеспокоились: вот у нас в ячейке было 70 человек, а записалось еще 150. Эка беда! Мы имеем 50 тысяч членов партии—рабочих от станка, а нам надо иметь 150 тысяч. Мы хотим, стало-быть, утроить состав рабочих от станка. Значит, там, где было 50 человек, должно быть 150 человек. Например, в Туле, говорят, организация почти удвоится. И прекрасно. Там хорошие рабочие, которые хотят и могут войти в нашу партию. Возьмем Иваново-Вознесенскую организацию. Там прекрасный рабочий состав, но организация наша там не увеличивалась в числе в течение двух лет, даже чуточку уменьшалась и хирела. Это потому, что мы страдали массо-боязнью. Теперь этому надо положить конец.

100 тысяч рабочих должны влиться в ряды нашей партии в течение 3 месяцев. Конечно, это еще не решает всю задачу. Перед нами стоит большая работа отсеивания, переработки, воспитания, рассмотрения, сортировки. Часть отсеется, осядет лучший цвет рабочих, который сейчас поднялся, который во многих отношениях будет не хуже тех 50 тысяч рабочих от станка, находящихся уже в нашей партии. И рядом с этим мы должны будем обдумать,—пока мы это решили только в принципе,—ряд систематических осторожнейших мер, не скажем: по чистке,—это слово раздражает кое-кого,—а по проверке остального состава нашей партии (кроме рабочих от станка), по систематической проверке и улучшению его. Мы думаем, что у нас в партии, несмотря на все чистки, в ряде областей и крупных центров найдется еще несколько тысяч, чтобы не сказать больше, таких людей, которых будет лучше из партии удалить. (Аплодисменты). Разумеется, это надо обдумать серьезно, не поступать огульно. Мы наделали при первой чистке довольно много ошибок, хотя в общем провели работу правильно. Губернию за губернией, район за районом осторожно подготовить, отдать дело в руки лучших рабочих, под контролем ЦКК, не торопясь, сделать это, как надлежит большевикам,—над нами теперь не каплет. Если это сделать систематически и постепенно, то получится порядочное улучшение в партии. Партия значительно обновится. Это будет маленькая спасительная „революция“ в партии в лучшем смысле этого слова, хорошая „октябрьская“ большевистская революция, когда вместо 50 тысяч рабочих от станка мы будем иметь 150 тысяч, и когда некоторую часть из непролетарских элементов, которые оказались плохими коммунистами, мы попросим очистить наши ряды. (Аплодисменты). Эту работу мы должны предпринять, и мы ее предпримем.

Вы получите в ближайшее время от ЦК нашей партии более подробные указания на этот счет. Но мы просим вас, товарищи, по возвращении на места, содействовать комитетам нашей партии, чтобы эта работа началась сейчас, особенно в этой первой положительной части, касающейся приема рабочих в партию, не бояться, не формализироваться, не выдумывать стажей, как, например, производственный стаж, который пустили в ход. Это совершенно не нужно. С важным видом пишут,—33 года производственного стажа. Что это значит? Это значит, что данный товарищ—пожилой человек, много работал на фабрике, возможно что он, может быть героем труда, но это вовсе не значит, что он непременно годится в члены нашей партии. Мы знаем, что многие старики-рабочие держались десятками лет на одном заводе в прежнее время потому, что они не бастовали, отставали от революционной молодежи.

Надо, не мудрствуя лукаво, взять и принять 100 тысяч рабочих в нашу партию. Ничего „плохого, окромя хорошего", от этого не будет. Два года тому назад это было бы невозможно, а теперь у нас для этого есть все предпосылки. Они созрели. Будет время, когда наши взаимоотношения с беспартийными изменятся в корне, будет время, когда беспартийный рабочий будет белой вороной, когда почти весь рабочий класс вольется в ряды нашей партии. Это время еще не пришло, но момент, когда каждый десятый рабочий будет членом нашей партии, этот момент настал. У нас есть около полутора миллионов рабочих в государственной промышленности, значит, 150 тысяч мы можем и должны получить в нашу партию. А, получив их, нам предстоит громадная работа окончательно воспитать их в большевистском духе. Классовый инстинкт у них есть, входят они в момент, который останется в памяти и у них и у нас на всю нашу жизнь. Вот почему мы думаем, что этот вывод относительно принятия новых 100 тысяч членов в нашу партию вытек из всего пережитого партией и из тех наблюдений над рабочим классом, которые мы все сделали, а также и из того положения, в котором находится наша партия после того, как она осталась без В. И.

Что касается второй группы вопросов, как нам поступить по отношению к новой буржуазии, которая начинает более или менее оформляться, то я не могу предложить сейчас мероприятий, готовых решений на этот счет. Пока важно, чтобы партийное сознание учло этот факт, чтобы партия увидела, что эта опасность есть. Раз мы ее увидели, то мы достаточно серьезные средства для борьбы против нее найдем.

Прежде всего, необходимо расторжение зачатков смычки, которая имеется между отдельными, наиболее бесшабашными элементами оппозиции и элементами новой буржуазии, старающейся схватить ее за фалды. Эту смычку надо разрезать.

Вы помните, как мы в свое время прибегали к высылке профессоров, которые пытались образовать маленькую головку, политический штаб новой буржуазии. Мы и сейчас не зарекаемся от мер репрессии, если это назреет, но главное — это увидеть политическую опасность.

X. „Оппозиция" и партдисциплина.

Заканчивая эту главную часть своего доклада, я должен сказать еще, что мы, как ЦК, так и партия в целом, я думаю, заинтересованы в том, чтобы товарищи, которые находились на пути к созданию фракции, или частью даже создали ее, сказали бы нам прямо и определенно: будет этому положен конец или нет? Пусть по-настоящему,

без фраз, по-большевистски, они честно подчинятся решениям партии, которые приняты. Единственное, чего мы требуем,—это ясного ответа на данный вопрос. Мы не можем позволить и не позволим никому действовать по формуле: а Васька слушает да ест (аплодисменты), т. е. ты выносишь резолюции, а мы их читаем и переходим к очередным делам. Этого не должно быть в нашей партии. Явочным порядком завоевывать себе „свободу“ фракций наша партия никому не позволит (аплодисменты), потому что это есть вопрос жизни и смерти для нашей партии. Это понимает каждый рядовик из рабочих, это поймут и те новые 100 тысяч рабочих, которые вольются в нашу партию.

Что такое фракция, фракционность? Иностранное словечко. По-русски что это значит? Фракция—это часть, ломоть. Они хотят накроить ломтей из нашей партии. Это значит погубить Советскую власть. Это значит играть головою Союза Советских Социалистических Республик. Вот почему мы говорим, что этот вопрос должен быть выяснен.

Мы читали в печати заявления оппозиционеров, которые говорят: теперь, когда нас постигло такое тяжелое горе, все бывшее отходит на задний план, ставим точку, конец всему бывшему и т. д. Что касается этого последнего, то это, к сожалению, невозможно. Хорошо, если бы мы могли это сделать, но это нам не дано. Бывшее остается. Его не вычеркнешь. Однако, настроения этих товарищей мы ценим и уважаем и готовы подать им руку и сблизиться с такими тт., у которых имеются такие настроения, которые говорят, что теперь нужно поставить точку, немедленно и во что бы то ни стало сплотить ряды. Но мы хотим,—и я думаю, что вся партия заинтересована в этом,—чтобы это были не отдельные только товарищи, которые выказывают добрую волю. Если будут легализованы фракции, то мы постепенно скатимся вниз, и тогда выигрывает вся эта компания Данов, Кусковых, Прокоповичей, которых я вам цитировал.

Конечно, каждый товарищ может остаться при своем мнении по тому или другому вопросу,—на это мы не посягаем,—но мы претендуем на элементарнейшие вещи, а именно на то, что если партия решила теперь,—а она решила единодушно, и мы должны это подкрепить в достаточно серьезной обстановке и в достаточно трудный момент для жизни нашей партии,—если партия решила, то мы от настоящих большевиков требуем действительного, не показного, не мишурного, но большевистского подчинения. Нас не обманут: мы в этом отношении имеем большой опыт. Будучи фракцией в ЦК вместе с меньшевиками, мы их недурно водили за нос и имели на это право. История была за нас. Мы защищали интересы пролетарской революции, а они—интересы мелкой буржуазии. Мы были у них в плену и не могли тогда уйти, мы должны были изнутри бороться с ними. Это было наше право. Опыт у нас есть. Нам будет легко видеть, действительно ли мы имеем подчинение решениям партии, или идет фракционная игра. Если да, если подчинение будет, то никто не будет так рад этому, как ЦК партии. Он пойдет навстречу тому, чтобы создать вполне нормальную обстановку в тех организациях, где борьба обострилась. Вчера, утверждая резолюцию Всесоюзной партконференции, пленум ЦК принял прибавление, где ЦК призывает все те организации, в которых борьба обострилась во время дискуссии, принять меры, чтобы положить конец этому обострению и создать вполне единые ряды, которые втройне нам необходимы сейчас, в настоящую минуту, когда партия осиротела. По этому вопросу должна быть полная ясность.

XI. Выводы.

Перед нами в ближайшее время будет стоять целый ряд вопросов, которые я могу затронуть сейчас уже только мельком, ибо мой доклад затянулся и без этого. Я хочу на них хотя бы только намекнуть, так как мы стоим перед началом новой полосы, когда ЦК партии придется вести работу без Владимира Ильича.

Первый пункт—международная политика. В двух словах, что мы должны тут делать? Мы должны остаться тут в рамках старой политики. За прошлый год мы видели два крупнейших примера: ноту Керзона и подготовку к германской революции. Во время ноты Керзона мы проявили максимальную уступчивость и осторожность. Во время подготовки германской революции мы готовились к крутым и бурным поворотам событий. Я думаю, что объединение этих 2-х моментов,—величайшей осторожности и балансирования в буржуазном окружении и момента готовности к бешеному повороту событий, когда грянет бой и придет минута,—из этих 2-х составных частей будет и дальше складываться наша международная политика, как нас учил Владимир Ильич. Не раз и не два мы ошибемся насчет выбора момента, но основные линии в этой области мы установим старые. Мы не пойдем на новые уступки международному капиталу для более скорого его привлечения. Не нужно нам его слишком скоро привлекать. Не правы те товарищи, которые по этому поводу нервничают. Когда мы отказали Уркарту в концессии, у тов. Ленина и ЦК партии были разные мотивы, но решающим моментом у тов. Ленина был не тот мотив, что условия Уркарта слишком плохи,—они, действительно, плохи,—а другой момент. Когда мы подошли вплотную к этому делу, у тов. Ленина преобладало такое настроение: лучше Россия бедная, серая, медленно восстанавливающаяся, но своя. Пускать европейских хищников в некоторой дозе надо, неизбежно, но слишком торопиться с этим не следует, и особенно зубастого хищника пускать с особой осторожностью. Я думаю, что это основное настроение было и остается правильным, и мы, как хозяева нашего Советского Союза,—хозяева в лучшем смысле этого слова,—теперь, когда мы видим, что медленно, но верно хозяйственный подъем идет, мы должны руководствоваться этой же мыслью: лучше наша бедная страна, хотя и медленно восстанавливающаяся, но своя. Ибо, если слишком щедро пустить иностранных хищников, то это неразрывно связано с тем вопросом, который правильно поставил Прокопович, о правах и для „них". Среди оппозиции были товарищи, которые думали, что нужно обрезать нэп, но у нее же были влиятельные люди, которые говорили, что нужно быстрее привлекать международный капитал и уступать ему больше. И они не понимали, что это и есть вернейшее усиление нэп'а внутри страны, величайшее усиление новой „советской" буржуазии. Нет, в этом вопросе торопиться не нужно.

В международной политике вопросы становятся теперь в высшей степени интересными. Макдональд, нынешний премьер Англии, был вчера вождем II Интернационала. Фиктивно он оставил ряды II Интернационала, но фактически он остается его членом и вождем. II Интернационал, в лице Макдональда должен, будет показать свое отношение к III Интернационалу, который олицетворяется и этим съездом, Москвой. Лондон и Москва теперь в некоторой степени II и III Интернационалы. Такого положения еще не было. Вожди II Интернационала были уже вождями государств, но не в первостепенных странах. Англия—первостепенная страна, и теперь мы получаем такую картину, когда II Интернационал, по поручению английской буржуазии, должен будет

маневрировать по отношению к III Интернационалу, к нашей революции. Международная обстановка таит в себе теперь очень много интересного. Я думаю, что политика нашего ЦК, который вынужден теперь работать без Владимира Ильича, сложится из следующих моментов: осторожности, балансирования в отношении к буржуазному окружению, тысячекратной осторожности, чтобы не вызвать войны, которую мы не можем допустить. Но вместе с тем быстрота и натиск, когда созреет серьезный поворот событий, как он намечался в Германии, Польше, Болгарии, и как завтра он может наметиться в целом ряде других стран, ибо положение неустойчивое. В той же Германии сегодня бастует 600.000 рабочих. В деле уступок международной буржуазии мы будем вести старую основную линию: не торопиться давать всякие концессии, а лишь выгодные и для нас. Мы будем, понятно, давать те или другие концессии, но мы будем исходить из той мысли, что лучше советская страна, медленно восстанавливающаяся, чем без оглядки допускать международных волков. Сюда же входит и монополия внешней торговли. (Аплодисменты).

Второй вопрос—нэп. Основы нэп'а остаются всерьез и надолго. План у нас есть, это—план электрификации. Подвинтить гайки в области кооперации в духе той статьи, которую нам завещал Владимир Ильич. Подкрепить кооперацию в духе социализма, ибо кооперация может и должна стать теперь куском социализма. Третье—еще более базироваться на рабочем классе во всей политике. Четвертое—смычку пролетариата и крестьянства еще больше, без остатка, сделать основой своей политики. Мы должны будем проникать во все прослойки деревни. Мы должны будем эту смычку конкретизировать.

Пятое—профсоюзы. Вопрос о них как-то прошел мимо во всей нашей дискуссии. Но так или иначе этот вопрос стоит. Профсоюзы—наша основная твердыня. Там растут и крепнут поколения рабочих. Сто тысяч мы возьмем в партию, но миллионы должны еще пройти через школу социализма в профсоюзах. Принцип рабочей демократии, который мы всерьез утвердили в партии, тем большее значение должен получить для профсоюзов. Лучшая работа в профсоюзах и еще большее приближение к массам, это то, что мы должны поставить на очередь.

В-шестых—остальные слои населения. Обволакивание отдельных групп партии со стороны мелкой буржуазии—вот то новое, что висит в воздухе, вот то новое, что мы все чувствуем. Нам теперь, товарищи, не страшен саботаж буржуазии или мелкой буржуазии. Нам страшно обволакивание с ее стороны. Нам страшно то, что она пролезает к нам через некоторые поры. Она ходит около партии и заражает отдельные группы, отдельные прослойки нашей партии, охватывает своим влиянием часть учащейся молодежи. Это—новое политическое явление. Мы должны принять все меры, чтобы использовать эти слои населения, использовать группировки учащихся не-большевиков, использовать все группировки населения, которое впервые уверовало не за страх, а за совесть в Советскую власть. Но мы должны уберечь партию от обволакивания ее мелкой буржуазией. Нам нужно принять все меры, чтобы оградить от них нашу партию, чтобы оградить наиболее слабую, наиболее хрупкую часть учащейся молодежи от этого обволакивания.

В-седьмых—национальный вопрос. Мы этот вопрос решили правильно. Мы решили его целиком в духе того, что писал Владимир Ильич. Но национальные коммунистические партии начинают только строиться. Там еще молодой и тонкий слой коммунистов. Нашу национальную политику мы наметили в общем правильно. Я думаю, что лучшее пожелание в этом основном вопросе это такое: ЦК нашей

партии должен в национальных вопросах работать так, чтобы **не дать возникнуть никакому национальному вопросу.** Вот это будет правильное решение национального вопроса. (Аплодисменты). Мы находимся на правильных рельсах. Мы дали достаточный отпор каким бы то ни было моментам великодержавного шовинизма. Я думаю, товарищи, что мы дали достаточный отпор и моментам национализма в рядах бывших угнетенных наций. Мы должны будем решать эти вопросы планомерно через партию, как подобает большевикам, для того, чтобы этот вопрос, который является неразрешимым вопросом для всей международной буржуазии, разрешался у нас просто и легко.

Восьмой вопрос—улучшение государственного аппарата. Я уже касался этого. Это тоже нам завещал Владимир Ильич. Тут тоже работы непочатый край. Я хотел напомнить слова Владимира Ильича, сказанные в 1921 году против Павла Леви. Он писал: „После величайших, невиданных в мире напряжений рабочему классу в мелкокрестьянской разоренной стране, пострадавшему в больших размерах от деклассирования, необходим промежуток времени, чтобы новые силы могли подрастать, подтянуться, чтобы старые и изношенные могли „отремонтироваться". Создание военного и государственного аппарата, который способен был победоносно выдержать испытания 1917—1921 годов,—дело великое, занявшее, исчерпавшее реальные (не в декламации крикунов существующие) „силы рабочего класса".

„Надо понять это и считаться с необходимостью, вернее, с неизбежностью замедленного прироста новых сил".

„Когда меньшевики кричат о „бонапартизме" большевиков (на войско-де и на аппарат опираются против воли „демократии"), то этим прекрасно выражается тактика буржуазии, и Милюков правильно поддерживает ее, поддерживает „кронштадтские" (весны 1921 года) лозунги. Буржуазия правильно учитывает, что действительные „силы рабочего класса" состоят из могучего авангарда этого класса (Росс. Комм. Партия, которая не сразу, а в течение 25-ти лет завоевала себе делами роль, звание, силу „авангарда" единственно революционного класса) плюс элементы, наиболее ослабленные, деклассированные, наиболее податливые меньшевистским и анархистским шатаниям".

Это тяжелое время теперь начинает проходить. Деклассирование пролетариата прекратилось. С тем большей силой наша партия должна нажать на эту педаль нащупывания государственного аппарата. Это медленная, длительная упорная работа.

Теперь настали лучшие времена. Теперь поддержки от рабочих будет больше. Теперь силы пролетариата выросли. Это поможет нам поработать хорошенько над госаппаратом. Это завещал нам Ленин, и ЦК нашей партии, вынужденный работать без Владимира Ильича, должен будет много внимания уделить этому вопросу.

Девятое—это партия и государство. В этом вопросе мы незыблемо стоим на почве пролетарской диктатуры, железной диктатуры. Никто не может помышлять об ослаблении ее. А раз это так, то взаимоотношения партии и государства должны остаться старые, в том смысле, что партия руководит, партия—душа всего, партия занимается не только агитацией и пропагандой, как нам это хотели подсунуть, а партия организует, партия направляет, партия руководит Советской властью, партия—ее голова. Мы должны в этом вопросе все остаточки не-большевистских идей прежде всего выскрести ножом, чтобы в рядах большевистской партии не осталось ни малейших сомнений относительно основного вопроса о взаимоотношениях между партией и государством.

И, наконец, десятое — Коминтерн и Профинтерн. Вы еще услы-

шите об этом подробный доклад. Дело трудное. Руководить этими мировыми организациями без направляющей руки Владимира Ильича,— в сотни, тысячи, миллион раз труднее. Но все-таки, товарищи, наша партия, черпая из кладезя тактики, который оставил нам Владимир Ильич, сумеет при поддержке других партий руководить Коминтерном и Профинтерном. Вносить какую бы то ни было групповую фракционную борьбу в Коминтерн есть настоящее преступление. (Аплодисменты). Вспомните судьбу Первого Интернационала. Вот почему, товарищи, теперь партии придется еще более дружно и более коллективно продумать все те решения, которые стоят перед нами и в области работы Коминтерна.

Из узко-партийных задач перед нами возникает прежде всего задача—в первую голову увеличить удельный вес рабочих.

Во-вторых, принять сто тысяч ленинского призыва в течение 3 месяцев.

В-третьих, еще более внимательно работать над лучшей частью крестьян-коммунистов для того, чтобы из них, из красноармейцев, из допризывников военных, из крестьянских бедняков, из незаможных выработать настоящих большевиков.

В-четвертых, в Красной армии мы не можем терпеть нынешнего положения, когда все 40.000 коммунистов—командная верхушка. Мы должны черпнуть глубже; мы должны определенное количество рядовых красноармейцев-коммунистов иметь в рядах нашей партии.

В-пятых,—учащаяся молодежь. Мы должны улучшить состав учащихся, если придется, количественно сократить его, поставить их в лучшую обстановку, разъяснить повсюду правильную линию партии там, где были колебания.

В-шестых, из других партий прием прекратить. Принимать только единицы, принимать только тех, которые, как революционеры, дают нам абсолютную индивидуальную гарантию того, что мы не будем раскаиваться в их приеме.

В-седьмых, из других слоев в партию год или два не принимать решительно никого. (Аплодисменты).

В-восьмых,—работа над собой, над партией в широком смысле этого слова; учеба, учеба и еще раз учеба. Поднятие культурного уровня партии есть одна из центральных задач, без которой смешно и говорить о действительном проведении внутрипартийной демократии. То, что сделано в этом отношении, это только капля в море. Еще годы и годы партия должна будет работать над поднятием культурного уровня своих членов; разумеется, не только путем книжек и университетов, но и путем втягивания в повседневную работу партии, путем втягивания в работу профсоюзов и Советской власти.

В-девятых,—повышение чувства ответственности каждого из нас. Я думаю, об этом можно не распространяться. Нужно помнить, что мы работаем без Владимира Ильича. Повышение чувства ответственности каждого из нас совершенно необходимо.

В-десятых,—научная систематическая постановка партийной работы, прекращение кустарничества, применение ленинской систематичности.

В-одиннадцатых, товарищи, вытекающее из всего этого,—серьезное, честное, большевистское, деловое, настойчивое проведение резолюции Политбюро от 5-го декабря и теперь конференции нашей партии относительно внутрипартийной демократии. (Аплодисменты).

XII. Заключение.

Вот те задачи, которые стоят перед нами. Я хочу в заключение напомнить, что говорил Владимир Ильич на могиле Свердлова. Он

говорил: „Я глубоко уверен, пролетарская революция в России и во всем мире выдвинет группы и группы людей, выдвинет многочисленные слои из пролетариата и трудящегося крестьянства, которые дадут практическое знание жизни и тот, если не единоличный, то коллективный организаторский талант, без которого нельзя итти к победе".

Владимир Ильич говорил тогда, что работу Якова Михайловича должен будет заменить целый коллектив, ряд комиссий из выдающихся товарищей. Но совершенно ясно, если в какой-либо мере работу Владимира Ильича вообще можно заменить кем бы то ни было, то лишь вся наша партия должна быть этим коллективом плюс тот приток из широких рабочих масс, который сейчас к нам так добросовестно, так горячо, с таким энтузиазмом идет, чтобы продолжать работу Владимира Ильича.

Еще я хочу вспомнить слова Владимира Ильича (многие из вас вспомнят их), сказанные 20 лет тому назад в его книге „Что делать?". Он говорил: „Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото. А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди, и как вам не совестно отрицать за нами право звать вас на лучшую дорогу. О да, господа, вы свободны не только звать, но итти куда вам угодно, хотя бы и в болото. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова „свобода", потому что, ведь, мы тоже свободны итти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает в болото".

Да, товарищи, мы теперь тоже идем тесной кучкой по довольно трудному, обрывистому пути. Путь этот, конечно, гораздо более широк, мы на гораздо более обширном фундаменте стоим, чем стояла группа Владимира Ильича в 1903 году. Мы стоим на железобетонном фундаменте пролетарской диктатуры, работая в союзе с крестьянством 7-й год, опираясь на величайшее сочувствие и энтузиазм международного рабочего класса. Но все-таки наш путь не устлан розами. Все-таки он обрывист и труден, и мы все-таки идем под перекрестным огнем, мы все-таки находимся в окружении западно-европейской буржуазии. Мы не знаем, что готовит нам завтрашний день, какие новые испытания должна будет выдержать наша страна, прежде чем она выйдет на широкую дорогу.

Мы должны почувствовать себя еще больше, чем когда бы то ни было, действительно единой дружной семьей, которая, взявши друг-друга за руки, против всего буржуазного мира умеет выступать единой, как один человек.

Мы хотим единства, но не просто всякого единства. Мы хотим единства на определенном ленинском фундаменте. Тов. Ленин далеко не всегда бывал за единство. Бывают положения, когда революционер выступает и против единства. Было положение, при котором Плеханов, например, сказал, при расколе „Земли и Воли": „Долгом революционера иногда бывает расколоть ту или другую организацию, если эта организация стала на пути исторического прогресса, если она мешает победе революции". При таких положениях мы не боимся поднять знамя восстания, знамя раскола, как мы сделали по отношению ко II Интернационалу, как сделали по отношению к меньшевизму. Но мы за единство **нашей партии** на основе ленинизма,

на основе того евангелия революционного марксизма, которое мы получили из рук Владимира Ильича, которое мы пронесли через три революции и которое сумеем пронести и дальше.

Единство нам нужно теперь, разумеется, больше, чем когда бы то ни было. Я думаю, товарищи, этого не нужно и напоминать в рядах большевиков. В преданности идее единства РКП мы должны воспитать ту сотню тысяч свежих рабочих, которая вливается в наши ряды, весь молодняк, всю учащуюся молодежь.

Всю рабочую часть нашей партии мы должны научить тому, чтобы на основе наследия, которое досталось нам из рук гениальнейшего вождя миллионов трудящихся мира, это единство, созданное и выкованное тов. Лениным, сохранить и упрочить. Большевистское знамя, которое мы пронесли через огонь трех революций, мы, товарищи, все вместе, дружно сплотившись, должны суметь пронести и дальше через какой угодно огонь. Не забывайте: знамя это из рук в руки передал всем нам, всей нашей партии Владимир Ильич Ленин.

О международном положении и задачах Коминтерна.

(Доклад на XIII Всесоюзной партконференции).

Мой доклад будет состоять из двух частей. Первая его часть посвящена вопросам международной политики, а вторая часть — политике Коминтерна. И в той, и в другой области я могу затронуть лишь самое важное. Но и в той, и в другой области как-раз сейчас мы стоим перед некоторыми решениями такого характера, которые предопределят на довольно длительное будущее политику нашей партии.

В области международной политики мы стоим сейчас перед началом новой полосы. В настоящий момент вполне возможно, что мы получим признание де-юре в 4-х государствах: в Англии, во Франции, в Италии и в Норвегии. Разумеется, это только возможность. Никто не может дать гарантии, что это наступит непременно и притом в ближайшее время. Но для нашей ориентации необходимо ясно видеть, что в настоящий момент как бы начинается новая полоса в этой области.

Вопрос о признании или непризнании Советской России де-юре является сейчас, пожалуй, самым боевым вопросом международной политики. Чехословацкий министр Бенеш в своей новогодней речи сказал, что 1924 год ознаменуется признанием Советской России де-юре. Разумеется, не все новогодние предсказания министров оправдываются, но есть серьезные основания ожидать, что это предсказание оправдается и Бенеш окажется пророком. Центральным пунктом международной политики является сейчас, повторяю, вопрос о признании или непризнании нас де-юре. Но в этот вопрос, естественно, врезалась наша партийная дискуссия. Как всегда бывало, когда наступают какие-нибудь затруднения для нашей партии, международная буржуазия пытается их использовать, раздуть, преувеличить. И сейчас мы видим то же самое. В Западной Европе и Америке в связи с нашей дискуссией, особенно в самые последние дни, начали создаваться форменные легенды того типа, который нам известен с самого начала существования Советской власти. Я на всякий случай, товарищи, сообщу вам важнейшие факты из этой области, т. к. едва ли кто-либо из вас представляет себе, до чего здесь дошло дело. Сегодня мы получили не от врагов наших, а от друзей в Коминтерн сообщение следующего характера: венская „Neue Freie Presse“ приводит в номере таком-то следующую телеграмму: „Согласно парижского телеграфного сообщения там распространился слух, что Троцкий арестован. Другая версия: Троцкий укрепился в бронированном поезде, Буденный занял пока выжидательную позицию“. (Смех). Такие сведения распространяет не только бульварная печать, но и вся так-называемая серьезная буржуазная пресса. „Морнинг Пост“ сообщает, что Троцкий вышел из Политбюро, а в кругах американских журналистов „более осведомленные“ говорят, что Троцкий арестован. Тов. Крестинский, один из наших представи-

телей за границей, в своем дневнике, который он ведет, сообщает от 8-го января следующее: „Осада по делам партийной дискуссии усилилась, повалили немцы, бельгийцы и австрийцы. Немецкие „спецы“ по иностранным делам все заинтересовались вопросом, не окончится ли дискуссия в Москве, в виду ее небывалой страстности, событиями в роде июльских событий 1918 г.“. Такой-то, имя рек, тоже „спец“ по советским делам, понимал „демократизацию в общебуржуазном смысле“. Вот еще штрих: „С легкой руки агентства „Ост-Экспрес“ была пущена сенсация, что среди вождей оппозиции находится Н. Н. Крестинский. Новая осада. Все желают видеть „протестанта-посла“. (Смех). На указания, что, ведь, и в Америке, и в Европе министры и послы имеют свое внутрипартийное мнение, отвечали: да, но в Совроссии ЦК есть правительство, „даже Зиновьев во время дискуссии говорил-де открыто о том, что правительство—это ЦК“. В Америке считают, что распря среди русских коммунистов будет иметь серьезные последствия для движения вправо“.

Нечего уже говорить о том, что зарубежная белогвардейско-эсеровская печать, разумеется, трубит в ту же дудку. Эсеры, издающие газету в Берлине „Дни“, пишут буквально: „России нужен нэп политический, а дать его ни себе, ни тем более стране не может и не смеет РКП. В этом, и только в этом, общий интерес и показательный смысл громкой победы ленинской старой гвардии над пророками внутрипартийной демократии“. И обращаясь к русскому обывателю, они говорят, что „пока обыватель не заговорит, пока он, наконец, не потребует себе „рабочей демократии“, до тех пор никакая дискуссия таких-то с такими-то ни к чему не приведет“. Представитель румынского правительства на недавно закончившейся конференции Малой Антанты заявил официально, что „в настоящий момент нет оснований торопиться с признанием Советской России, так как кризис, переживаемый Российской Коммунистической партией, несомненно, чреват громадными событиями“.

Таким образом, два вопроса сейчас сплелись. Нет никакого сомнения в том, что острота дискуссии, по крайней мере, на некоторое время, пока эти господа не убедятся в том, что действительно у нас происходит, ослабляет наши шансы на международной арене. Вообще за такую дискуссию, конечно, мы должны заплатить довольно дорогой ценой; „издержки производства“ тут были немалые. И в число издержек производства входит и то, что, быть-может, произойдет некоторое замедление в вопросе о признании нас де-юре.

Правда, если в английской печати так много уделяют внимания нашим раздорам, мы могли бы им посоветовать заниматься больше своими собственными делами. Вот сейчас у них, говорят, происходят свои „фракционные“ заседания, борьба между различными лордами: Асквитом, лордом Керзоном, Ллойд-Джорджем и т. д. Неизвестно, как разрешится этот кризис. Я думаю, товарищи, что наш „лорд“ Сапронов нам все-таки не столь страшен. Мы после постановления партии с ним помиримся, он подчинится решению партии. Но факт остается фактом: международная буржуазия подслушивает у дверей, как правильно выразился один товарищ в своей статье,—она подслушивает у наших дверей в надежде на то, что сейчас внутренняя борьба в нашей партии поможет ей отвильнуть от того, от чего отвильнуть, казалось, больше нельзя: от признания того строя де-юре, который существует де-факто уже 7-й год.

Наш ЦК прав, когда он считает, что в настоящий момент нам нужно особенно осторожно и тщательно взвешивать свои решения в сфере международной политики, имея в виду, что в общем и целом мы пришли к началу нового этапа.

Обстановка меняется. В самом деле, возьмем важнейшие страны Запада. Возьмите в первую очередь Англию. Нет еще года, как лорд Керзон поставил-было под вопрос всю нашу передышку своим знаменитым ультиматумом, всколыхнувшим тогда до дна всю нашу трудящуюся Россию. Сравните положение вещей в Англии, каким оно было в момент ультиматума Керзона, с тем, каким оно является сейчас. Керзон уже одной ногой вне правительства. Формальности затягиваются, парламент только-что открылся. Во всяком случае, совершенно ясно уже, что положение Керзона не так уж прочно. Положение т. Чичерина много прочнее. (Апл.). Это всякий видит. Тов. Чичерин может ожидать открытия Союзного съезда Советов с гораздо большим спокойствием, чем Керзон ждал открытия сессии парламента, созванной им. (Апл.).

Положение изменилось в корне. Весь политический мир считает, что в Англии мы идем к правительству Макдональда. Сказать это наверняка в настоящий момент все-таки еще нельзя. Если не обманут все признаки, Макдональд в ближайшее время придет к власти.

В настоящее время нам, как политикам, приходится исходить более всего из этой перспективы, и нашей конференции приходится оценивать ее. В последнем сообщении т. Раковского он пишет, и, по-моему, совершенно правильно: „главное, чего нам нужно остерегаться в настоящий момент,—это переоценки возможностей". Действительно, нам не зачем впадать в излишний оптимизм в связи с возможным приходом к власти рабочей партии и ее лидера Макдональда. Мы уже видели Второй Интернационал у власти. Мы видели правительство Шейдемана—Гаазе, возникшее как-никак не из парламентской победы, а из революции. Мы недавно видели пример Брантинга, который был шведским премьером. Он тоже является одним из столпов II Интернационала. А мы видели, что его политика ничем не была лучше, чем политика любого буржуазного правительства. Нам поэтому нет основания переоценивать возможностей в связи с правительством Макдональда.

Однако, товарищи, если это правительство станет фактом, это все-таки будет событием мировой важности. Нам нужно расценивать возможное правительство Макдональда под двумя углами зрения: с точки зрения международного рабочего движения и с точки зрения непосредственных интересов Советской России. С точки зрения развития международного рабочего движения и международной революции что такое будет представлять собою правительство Макдональда? Поскольку дело идет о верхах, о парламентских политиканах, это не бог весть какое событие. Но поскольку дело идет о массовом движении рабочего класса, это будет событием величайшей важности. Вы все помните, как на 2-м конгрессе Коминтерна тов. Ленин советовал молодой английской коммунистической партии поддерживать меньшевистскую английскую рабочую партию, голосовать за нее, помочь ей скорее притти к власти. И вы помните, как тов. Ленин тогда откровенно разъяснял (нельзя никакого секрета сделать из этого), что мы будем поддерживать меньшевистскую рабочую партию в Англии, партию Макдональда так, как веревка „поддерживает" повешенного. Он говорил прямо, что, чем скорее они придут к власти, тем скорее они должны будут показать себя рабочему классу, тем скорее они обанкротятся, тем скорее иллюзии английского рабочего класса будут рассеяны, тем скорее будет расчищена дорога для пролетарской революции.

Этот момент теперь наступает. Это есть событие крупнейшей важности. Английский рабочий класс в глубинах своих воспринимает приход к власти Макдональда не просто как приход к власти того или другого парламентария, а как приход к вла-

сти рабочего класса, трудящегося человека. Рядовой английский рабочий видит в этом исторический реванш рабочих, он верит, что если у власти станет рабочая партия, то не будет безработицы, будет нажим на роскошь, на богачей. Другими словами, английские рядовые рабочие тут рассуждают на основании своего классового инстинкта, классового чутья. Это, товарищи, факт великой исторической важности. Мы все изучали судьбы рабочего класса в Англии, знакомились с его положением из известного сочинения Энгельса. Через эту призму мы изучали движение чартизма. Из классических произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Каутского, который был некогда революционером, мы знакомились с характером английской рабочей аристократии, которая превращает английское рабочее движение в контр-революционный фактор. Сейчас в Англии рабочее движение входит, на наш взгляд, в новую фазу. Рабочая аристократия в Англии попрежнему является контр-революционным фактором. Макдональд—типичный представитель верхушки рабочего класса, т.-е. рабочей аристократии. Тем не менее, приход меньшевистской рабочей партии к власти в такой стране, как Англия, есть факт всемирно-исторической важности. Это не Эстония, не Болгария, даже не Германия, это—Англия, независимо от того, что это будет разыгрываться потом как трагикомедия, независимо от того, что Макдональд, несомненно, будет ползать на четвереньках перед крупной английской буржуазией,—это событие большое. Повторяю: надо принять во внимание, что это событие происходит не в Эстонии, не в Польше, не в Болгарии, даже не в Германии, а в Англии, — в той стране, буржуазия которой действительно владеет шестой частью мира,—примерно такой же территорией, как мы. Английская буржуазия — богатейшая буржуазия мира. И если она считает себя вынужденной передать мандат на управление Англией как-никак „рабочей" партии,—это имеет большое значение. Конечно, английская буржуазия делает это не без задней мысли. Там есть своя группа политиков, которая подталкивает Макдональда к власти, имея свою перспективу, что, чем раньше ты придешь к власти, тем раньше тебя слопают. Но все-таки такая буржуазия, как английская, „не от хорошей жизни" делает такой опыт, не от хорошей жизни передает власть в такой стране, как Англия, в руки пусть хотя бы и меньшевистской, но все же рабочей партии. В этом смысле приход к власти Макдональда есть крупнейший этап в международном рабочем движении, крупнейший этап в деле освобождения английского рабочего класса от конституционных иллюзий, крупнейший шаг вперед по пути международной революции.

Со второй точки зрения, с точки зрения непосредственных интересов Советской России, это тоже есть, разумеется, очень важное событие. Мы не знаем, сдержит ли Макдональд свое слово о признании де-юре Советской России без дальнейших рассуждений и без каких бы то ни было прелиминарных условий. Гадать об этом трудно. Я думаю, следует сказать: когда имеешь дело с представителем II Интернационала, с членами меньшевистской партии,—готовься к худшему, и тогда ты будешь ближе к истине.

Но как складывается положение сейчас? При нынешнем настроении английского рабочего класса есть серьезная надежда, что правительство Макдональда должно будет признать нас де-юре.

В связи с этим поставлен вопрос и во Франции. Вы все знаете, что англо-французское соревнование, т.-е. соревнование между английской и французской буржуазией, является фактом, определяющим в значительной степени всю политическую ситуацию Европы в данный момент.

Мы видим сейчас и со стороны пуанкаристской Франции попытки

к сближению с Сов. Россией. Вы все читали знаменитую статью Эрбета, недавно появившуюся в официозе французского правительства,—статью, намекающую, что они не прочь договориться с нами. Французская печать с полной ясностью дает понять, что французское правительство через чехословацкого премьера Бенеша имеет предложить нашему правительству ведение переговоров. Как видно из печати, французское правительство интересуется тем, согласны ли мы признать довоенные долги, и как относимся мы к вопросу о признании международных договоров.

Конечно, мы не примем любезного посредничества Бенеша, если оно будет предложено. Мы, конечно, будем благодарить за посредничество, но считаем, что разговор должен итти без этого посредничества, ибо посредник будет думать не о нас, а о себе. Если нам будут поставлены предварительные вопросы, мы будем говорить о них в процессе переговоров. Я не думаю, что нам удастся сговориться с нынешним французским правительством. Я думаю, что французской буржуазии, если она хочет с нами серьезно разговаривать, не мешает подыскать себе более подходящего для этого премьера, чем господин Пуанкаре. Что побудило Пуанкаре к мысли о переговорах с нами? С одной стороны, исход выборов в Англии, намечающееся признание Англией Советской России, а с другой стороны, и это главное, приближающиеся выборы в самой Франции. Кто бывал во Франции, тот знает, что такое Франция накануне выборов. Страна совершенно преображается. Все партии перекрашиваются, все повально становятся „социалистами", все обещают крестьянам и рабочим что-угодно, а многие и кое-что сверх того, все партии лихорадочно ищут наиболее популярный, наиболее зажигательный лозунг, который может дать голоса на выборах. Несомненно, теперь таким популярным лозунгом во Франции становится лозунг возобновления сношений с Советской Россией, лозунг сближения с Советской Россией. Вот почему даже Пуанкаре, который, как вы знаете, горячо нас любит и пользуется такой же любовью с нашей стороны (аплодисменты), воспылал еще большей любовью к нам и через Бенеша намерен предложить сближение с нами. Нет сомнения в том, насколько можно предвидеть ход событий, что выборы во Франции, которые уже недалеки, приведут к передвижке сил внутри буржуазного лагеря, как это произошло уже в Англии. Во Франции к власти еще не придет меньшевизм. Но то крыло буржуазии, которое представлено высокими гостями, посещавшими нас от имени французской буржуазии, и которое держится другой ориентации, нежели Пуанкаре,—они идут к власти.

В Италии Муссолини тоже не прочь нас признать. Здесь есть отраженное влияние поворота Англии и еще больше—поворота со стороны Франции. Так же, как нынешнее сравнительное миролюбие польской буржуазии тоже есть не что иное, как отраженное влияние поворота их хозяев в Англии и во Франции.

В Норвегии, которая находится под сильным влиянием Англии, мы тоже видим поворот, который позволяет надеяться на близкое завершение переговоров. Вы видите значительное улучшение международного положения нашей страны, которое ставит перед нами ребром целый ряд вопросов о том, как мы будем теперь маневрировать по отношению к международной буржуазии. При этой изменившейся обстановке, которая означает, что начинается новая глава в нашей международной политике, нужно держать ухо востро. Я не могу скрыть от вас, что по этой линии, как и по коминтерновской линии, мы имеем серьезнейшие расхождения с товарищами из той же самой „оппозиции",—разногласия, которые бросают свет на вопрос о сущности всех наших

разногласий с ними вообще. Раз международная буржуазия, английская, французская, итальянская и пр., обнаруживает желание пойти на некоторое сближение с нами, возникает вопрос о том, не должны ли мы, в связи с этим, обнаружить со своей стороны бо́льшую уступчивость, чем это было в последний раз, когда мы сходились со всей международной буржуазией во время конференции в Генуе. Некоторые товарищи, в том числе т. Радек, полагают, что этот момент наступил, что мы должны пересмотреть генуэзские условия в сторону больших уступок международной буржуазии, для того, чтобы получить не столько признание „де-юре", которое его мало интересует, сколько возможность деловых сношений. Это такое предложение, над которым мы должны задуматься. Мы в Политбюро и в ЦК партии держимся того мнения, что у нас нет и теперь никаких оснований итти на бо́льшие уступки международной буржуазии. Наоборот, мы считаем, что наступило время напомнить международной буржуазии то, что говорил Владимир Ильич от имени всего правительства после Генуэзской конференции. Он говорил, обращаясь к международной буржуазии: чем позже вы пойдете на соглашение с нами, тем худшие условия вы получите, тем меньше мы уступим вам. Мы думаем, что наступил момент подтвердить это. Чем больше они тянули, тем больше мы окрепли, и, разумеется, мы будем сейчас разговаривать с ними еще гораздо тверже, чем мы разговаривали с ними в Генуе.

Вы слышали речь тов. Красина вчера. Признаюсь, я не без некоторого интереса ждал этого выступления, как, думаю, и многие другие. Я был разочарован, как, думаю, и многие другие. Речь тов. Красина была бледной копией того, что он сказал на XII Съезде нашей партии. Вы, говорит он, слишком лениво привлекаете иностранный капитал. Слишком лениво, видите ли, мы берем кредиты. Как-будто дело только в нашей „лени". Нам, видите ли, суют кредиты, а мы ленимся их взять. Можно ли, говорит он, нашей России с ее несчастными материальными ресурсами восстановить быстро свое хозяйство? Можно подумать, что у него в кармане есть другая Россия не с несчастными, а с богатыми ресурсами. Мы имеем одну Россию — такую, какая она есть.

Мне думается, товарищи, вопрос о размерах уступок международному капиталу ведет прямехонько к вопросу о взглядах на судьбы нэп'а. Некоторые товарищи из „оппозиции" пытались прибегать к „левым" фразам и держали речи в том направлении, что, будто бы, ЦК— за нэп, а они хотят его поурезать. Эти речи имели бы смысл, если бы эти товарищи были за отмену нэп'а и за восстановление военного коммунизма. Тут у товарищей из оппозиции не сведены концы с концами. С одной стороны, они как-будто хотят урезать нэп, а с другой стороны, заявляют: дайте б о́ л ь ш и е уступки международной буржуазии для восстановления деловых связей. Но это, ведь, и было бы величайшее усиление нэп'а, какое только можно себе представить. Потому что речь идет о том, чтобы пустить сюда настоящую, не так - называемую новую буржуазию, которую мы все же здорово потрясли (здесь надо сказать, что наша „новая" буржуазия пока далеко не похожа еще на настоящего сытого буржуазного зверя, какого мы знаем в Англии и Франции),—если допустить иностранный капитал в большом количестве, это же будет величайший приток свежей крови и в жилы р у с с к о й буржуазии, и нэп'у вообще. Товарищи из оппозиции должны в этом пункте сговориться, здесь у них не сведены концы с концами. Они должны выбрать одно из двух.

Я думаю, что было бы величайшей ошибкой с нашей стороны сейчас,—когда международная буржуазия, что ни говори, все больше и больше запутывается в собственных противоречиях, а мы с вами, что

ни говори, все-таки крепнем и крепнем, хотя и медленнее, чем мы бы этого хотели,—итти на чрезмерные уступки. Я позволю себе напомнить вопрос о концессии Уркварта. Я думаю, товарищи, что, если после долгих размышлений тов. Ленин и ЦК отвергли концессию Уркварта, то это, между прочим, потому, что в последнюю минуту тов. Ленин сказал себе (и он был прав) примерно так: лучше наша израненная, серая, пока еще довольно бедная Советская Россия, но своя, чем Россия, которая для быстроты восстановления пустит к себе в огород такого крупного зверя, каким является Уркварт. Вот был основной тон настроения т. Ленина. Я думаю, что это было правильно. Это было действительно отношение „хозяина“ в лучшем смысле этого слова к тому достоянию, которое находится в руках нашей партии. Это не значит, что мы предлагаем ревизовать наше отношение к концессиям вообще. Конечно, мы будем концессии брать, каждый раз тщательно взвешивая. Сейчас идут переговоры с Синклером, возможен пересмотр вопроса об Уркварте. Но каждый раз, когда нам приходится иметь дело с каким-нибудь крупным концессионером-хищником, я думаю, мы должны помнить об этом основном настроении тов. Ленина и ЦК. Да, возможно, дело восстановления нашего хозяйства и пойдет быстрее, если сразу произойдет большой приток иностранного капитала. Но „маленький“ вопрос здесь заключается в том, пойдет ли это на пользу в классовом смысле слова нашему хозяйству, усилит ли это удельный вес нашего социалистического хозяйства, или сразу, в величайшей степени усилит нэп. Этот „маленький“ вопрос некоторые наши товарищи иногда позабывают. Между тем, это — коренной вопрос нашей международной политики. Не так важно—признают нас сейчас де-юре или нет, не так важно, как мы будем маневрировать по отношению к Макдональду или Пуанкаре, или другому представителю западно-европейской буржуазии,—как-нибудь сманеврируем. Не деталями хочу я занять нашу партийную конференцию. Но этим основным, узловым вопросом определяются действительные судьбы нашей международной политики. Да, начинается некая новая полоса в Западной Европе. Соотношение сил сложилось так, что у них есть склонность признать нас де-юре и пойти на деловые отношения. Наша партия должна дать ответ, считает ли она, что в связи с этой новой главой в международной политике мы должны пойти по тому пути, по которому предлагали итти тт. Радек, Красин и другие, или мы должны остаться на старом пути. Это вопрос немаловажный, может-быть, даже поважнее, чем крайне важный сам по себе вопрос о демократии внутри партии. Потому что от него действительно зависит классовое соотношение сил в нашей стране, потому что от него зависят судьбы нэп'а. И раз наши кадры обвиняли в том, что они перерождаются в сторону буржуазности, мне кажется, что при виде этих предложений „оппозиции“ вполне уместно спросить: кто же тут действительно перерождается и в какую сторону? (Аплодисменты). Мы ли, партийные „староверы“, когда мы говорим, что в этом вопросе мы должны держаться старой линии, или те, кто теряет равновесие и говорит, что сейчас надо пересмотреть международную политику в сторону больших уступок западно-европейской буржуазии? Я думаю, что конференция вместе с ЦК скажет нам: ни шагу в области каких бы то ни было дальнейших уступок. За признание „де-юре“ мы не платим никакими материальными благами. Что такое в самом деле „де-юре“? Подумайте, они на седьмом году признают, что мы существуем! От этого некоторые плюсы, конечно, будут. Но чтобы мы за это платили чистоганом, льном, пшеницей—где это видно, за кого нас принимают? Мы не научились вполне хорошо торговать, но все же настолько мы умеем торговать, чтобы сказать: за это мы ни пшеницей, ни золо-

том не платим. Если они хотят открыть нам новые кредиты,—мы согласны поговорить о компенсациях. Мы знаем, что не ради наших прекрасных глаз будут они нам давать кредиты. Однако, мы помним, что медленно, но собственными силами мы начинаем выводить страну из того положения, в которое она попала. Мы стоим на той точке зрения, что Россия со своими „жалкими“ ресурсами, — наши ресурсы не такие уже жалкие, мы одна из богатейших стран, тов. Красин,—выйдет на дорогу, тут нас хорошо поймет не только рабочий, но и мужик, и тут будет одно из звеньев нашей смычки между рабочими и крестьянами, если мы социалистическое отечество не выдадим международному капиталу. Это есть разногласие, которое, если товарищи не будут на нем настаивать, останется эпизодом. Мы скажем тогда, что вы признали свою ошибку, и будет больше радости от одного раскаявшегося грешника, чем от десяти праведников. Но если на этой ошибке начнут настаивать и из этого попытаются сделать платформу, это будет ошибкой, которая прямехонько ведет направо от партии.

Мне кажется, что обсуждение вопроса на нашей конференции в данный момент должно привести к тому, чтобы конференция от имени всей партии сказала ЦК, что мы по пути Радека и Красина в этом вопросе не пойдем, что это было бы ошибкой, что нет основания пересматривать свою политику здесь, ибо это было бы пересмотром не только в области международной политики, но и по отношению к нэп‘у вообще.

Я теперь перехожу, товарищи, ко второму вопросу. В Коминтерне, разумеется, за это время было немало событий. Раскол в норвежской партии,—мы должны были отрезать целое большое крыло, социал-демократическое, которое долго себя называло коммунистическим. Серьезный конфликт в шведской партии, который теперь, повидимому, изживается; трудное положение в итальянской партии, которая все еще не вышла из тяжелого кризиса; в Болгарии одна большая ошибка летом, затем вооруженное восстание, которое впервые поставило нашу партию под перекрестный огонь неприятеля, и которое впервые создало там настоящую коммунистическую партию; крупнейшее движение в Польше, которое нам показало, что в Польше мы входим в новую полосу развития. Но, разумеется, товарищи, над всем этим господствует германский вопрос. На осеннем нашем совещании мы констатировали серьезный политический кризис в Германии. Наша оппозиция много издевалась над тем, что мы не разговаривали много по этому поводу. Это для них было доказательством того, что, видите ли, наша партия состоит из „молчальников“, что заглохла жизнь в партии и т. д. Я думаю, что они плохо знают интимную сущность большевистской партии, если так объясняют дело, если так оценивают. Я не говорю, что все было хорошо в партии, но если на осеннем совещании перед лицом огромной важности событий мы оказались единодушны, как один человек, то смею вас уверить, товарищи из „оппозиции“, это не потому, что у нас „молчальники“, а это вытекало из сути большевистской партии. Партия понимала, что наступил момент, которого никто не мог расценивать иначе, как революционный момент, с большим количеством шансов на успех. Партия понимала, что если такой момент наступил, то дело не в том, чтобы сотрясать воздух речами и развести большую дискуссию, а дело в том, чтобы сделать выводы, вытекающие из всей обстановки. Мне кажется, что именно этим объяснялось тогдашнее настроение. Все без различия оценивали положение вещей так, что революция в Германии есть вопрос недель. Все сведения сходились к этому. Самые пессимистические отзывы отличались от самых оптимистических тем, что пессимистически настроенные товарищи ждали революции на две, три, четыре недели позднее.

Вот самое большое расхождение, которое было. Одни говорили: вопрос дней, другие говорили: две, три, четыре недели лишних еще дадут нам более устойчивое большинство в рабочих массах, и мы тогда будем бить наверняка. Таково было положение вещей—громаднейшая августовская стачка, громаднейшее колебание в рядах противника, в рядах германской социал-демократии. Коммунистическая партия была поднята на гребень невиданной еще в Германии революционной волны. Мелкая буржуазия стала переходить на сторону коммунистической партии. Крестьянство колебалось, марка падала стремглав, буржуазия растерялась, красные сотни росли, фабзавкомы крепли, одним словом, была типичная картина настоящего предреволюционного кризиса. Вот почему стоял один вопрос: что же такое представляет собой большевистская партия после 2 лет нэп'а, как будет она действовать? Будет ли она размусоливать, дискутировать, даст ли она верх премудрым пескарям, которые в этот момент скажут: „нельзя рисковать", или большевистская партия окажется на посту, как главнейшая партия Коминтерна, и возьмет на себя всю тяжесть ответственности?

Я знаю, когда революция не пришла, неизбежно наступило большое разочарование у нас: вот вы „обещали" нам революцию,—где же ваша революция? Это настроение в рабочих массах бывало, и вполне понятно — почему. Но я думаю, товарищи, что и ЦК, и Коминтерн должны вам сказать, что при повторении подобных событий, в такой же обстановке нам пришлось бы сделать то же. Мы ошиблись тут в темпе, как очень часто ошибались марксисты, начиная с самого Маркса. Что же удивительного, если и мы, ученики Маркса, в вопросе о темпе ошиблись вместе с германской партией, французской, польской, чешской и проч., которые вместе с нами принимали решение.

Но мы не ошибались в основном, как не ошибался большевизм, когда после поражения декабрьского восстания 1905 года он, в отличие от меньшевизма, сказал: вторая революция придет,—и она пришла. В вопросе о сроке Ленин тогда ошибался. Он „назначил" сначала срок восстания на весну 1906 года, а затем пришлось перенести на позднее лето: после окончания полевых работ, говорил Владимир Ильич, мужик будет посвободнее. Но восстание не произошло и поздним летом, а затянулось на много лет. Меньшевики, конечно, издевались над несбывшимся „пророчеством". В вопросе о сроке марксисты и сам Маркс не раз ошибались, потому что нет в наших руках такого инструмента, который дал бы возможность никогда не ошибаться в таком вопросе. Но в основной оценке классовых сил и в том, что неизбежна вторая революция, большевизм не ошибался, и в этом вопросе не ошибся и Коминтерн. Вторая революция в Германии неизбежна, и сроки, оставшиеся для нее, не так велики.

Товарищи, вы поймете без дальних слов, что после того, как произошла неудача, отступление без боев, вы поймете, что при таком положении вещей неизбежен более или менее тяжелый кризис партии, более или менее радикальная переоценка ценностей. Именно в такую минуту познаются настоящие революционеры. Те, которые находятся в партии случайно, с боку-припека, они в такую минуту впадают в панику, шарахаются в крайнюю левую или в крайнюю правую, деморализуют партию, начинается плач, стенание, иеремиада. Настоящее ядро партии закаляется именно в такой обстановке. Германская партия проходит сейчас в этом смысле через тяжелые разногласия, и вместе с ними—Исполнительный Комитет Коминтерна, а с ним вместе и ЦК нашей партии вынуждены разбираться в этих разногласиях.

Я не могу здесь, товарищи, вдаваться во все детали,—это и не

требуется,—я должен обрисовать только основу спора, тем более, что он опять-таки имеет очень близкое отношение к нашим внутренним спорам и весьма существенно отражает споры с нашей „оппозицией“.

Я не знаю, товарищи, как было у вас, в провинции, но в Москве было дело так, что вопрос о германской революции, о Коминтерне и о руководстве Коминтерна сыграл немалую роль в этих дискуссиях. Товарищи из „оппозиции“ на всех собраниях, кроме тысячи и одного упрека против ЦК, бросали еще вдобавок упрек Исполкому Коминтерна в том, что он „погубил“ германскую партию, германский ЦК. В этом отношении особенно усердствует тов. Радек.

Я должен сказать, товарищи, что за наши взгляды, в особенности в германском вопросе, действительно несет ответственность весь ЦК РКП, и более всего Политбюро. Вопрос этот слишком близко касался России. Уже по одному этому представители нашей партии в Коминтерне вынуждены были каждый вопрос рассматривать в Политбюро, а затем, товарищи, и в силу положения вещей в партии. Пока тов. Ленин непосредственно работал, у нас дело происходило так, что мы непосредственно, работники Коминтерна, намечали линию и советовались с тов. Лениным лично,—этого было достаточно, и весь ЦК считал, что, стало-быть, дело находится на правильных рельсах. Когда это стало невозможно, мы должны были сказать, что и в этой области нужно заменить руководство Ильича руководством коллектива. Вот почему представители ЦК в Коминтерне должны были вопрос о германской революции во всех его деталях рассматривать в Политбюро, что мы и делали. Большая часть решений принималась единогласно, и, таким образом, это и есть коллективные решения, за которые мы несем ответственность. Разумеется, это не значит, что на мне лично не лежит большая ответственность. Само собой разумеется, на мне лежит бо́льшая ответственность в силу причин, которые вам понятны.

В чем заключались наши разногласия? В партии распространены некоторые неверные фактические сведения, которые я должен опровергнуть. Иногда распространяются о том, будто бы Исполком Коминтерна решил в такой-то срок произвести восстание, навязав этот срок немецкой партии. Я категорически утверждаю, что вопрос был передан на разрешение самой германской партии. Такова была наша точка зрения.

Второй вопрос, который в высшей степени важно осветить вам сейчас же, ибо он ведет нас прямо к основе разногласий в германской коммунистической партии,—это вопрос о саксонском правительстве. Каково было положение вообще в Саксонии? В Саксонии имелось большинство социал-демократов и коммунистов против буржуазии, парламентское большинство в несколько, если не ошибаюсь, в 6 голосов. Правое крыло германской коммунистической партии несколько раз делало попытку установить тут соглашение с социал-демократами и легально образовать правительство на парламентской почве. Исполком Коминтерна всегда выступал против этого. Но когда мы оценили события так, что вопрос о кризисе есть вопрос нескольких недель, мы тогда сказали: теперь наступил момент, чтобы под известными условиями войти в правительство, дабы сделать себе из Саксонии плацдарм, получить место, где развернуться и организовать борьбу за власть. Это был момент, когда был назначен генерал Миллер комиссаром. Мне припоминается пример Кронштадта 1917 г., когда временное правительство назначило комиссаром кадета Пепеляева, а фактически власть была в руках кронштадтского совета, как тогда кронштадтский совет игнорировал Пепеляева и его высмеивал, а потом в свое время мы его арестовали. Нам казалось, что для немецких товарищей такой момент наступает: они войут в правительство, будут игно-

рировать этого генерала, мобилизуют рабочих с тем, чтобы пойти на соединение с революционными рабочими всей остальной Германии. Другими словами, мы рассматривали вступление в саксонское правительство, как маневр, чтобы, захватив пядь земли, развертываться дальше. Мы полагали тогда, что вопрос о вступлении нашем в саксонское правительство надо поставить практически под условием, что группа правительства Цейгнера готова будет действительно бороться против белой Баварии, против фашистов, добьется немедленного вооружения 50—60 тысяч рабочих Германии с тем, чтобы игнорировать генерала Миллера. То же самое в Тюрингии. Вы видите, как мы представляли себе это дело относительно вступления в это саксонское правительство.

Мы представляли себе дело ни в каком случае не как парламентскую комбинацию, а как маневр, направленный к тому, чтобы занять определенную позицию. Немецкие товарищи оценивали положение вещей так, что считали это возможным.

Теперь, вы знаете, делаются попытки ретроспективно, т.-е. задним числом, пересмотреть всю политику, и говорят так, что, дескать, Коминтерн; однако, опоздал, надо было тремя-четырьмя месяцами раньше начать подготовку. Вы знаете брошюру т. Троцкого „Новый курс", которой он выстрелил в конференцию за полчаса до ее открытия, и которая, может-быть, поэтому еще не всеми прочитана. В этой брошюре т. Троцкий затрогивает также немецкий вопрос. Он говорит прямо, что ошибка была именно в том, что „если бы коммунистическая партия резко изменила темп работы, использовав предоставленные ей историей 5—6 месяцев полностью и целиком для организационной политической и технической подготовки, развязка событий могла бы быть не та, которую мы наблюдали в ноябре". Такая постановка вообще бесплодна. Разумеется, если бы начали подготовляться на 5 месяцев раньше, мы бы при прочих равных условиях лучше подготовились. Вообще, „ежели бы да кабы", то у нас было бы лучше,—это дешевая философия. Однако, небезынтересно остановиться на вопросе, каковы были настроения в руководящей группе Коминтерна именно 5—6 месяцев назад. В июле месяце начался в Германии очевидный перелом. В июле месяце ЦК германской коммунистической партии, почувствовав новую волну, выступил с революционным воззванием против фашистов. ЦК коммунистической партии говорил открыто от имени партии, что за каждого убитого рабочего мы перебьем 10 фашистов. Кто знает историю германской компартии, тот понимал, что это есть начало какой-то новой главы. Движение шло дальше и дальше. Партия получала все больше и больше влияния. Тогда она решила назначить известный вам антифашистский день. Это было крупнейшее событие. Рабочие социал-демократы были на нашей стороне, и все смотрели на германскую коммунистическую партию, как на тот таран, который ударит фашизм по голове, пока он еще не совсем окреп. В этот момент у нас начинается первое разногласие внутри Исполкома Коминтерна. Мы были в отсутствии с т. Бухариным, нас здесь заменял т. Радек. Мы с т. Бухариным, получив это воззвание, как члены Исполкома Коминтерна, послали приветствие германской коммунистической партии, в котором говорили, что мы считаем это воззвание великолепным и сугубо поддерживаем их в их борьбе и в вопросе об антифашистском дне. Тов. Радек поднял против нас бешеную полемику. Он телеграфировал нам с Бухариным (телеграмма в моих руках) от 12 июня, „что наша политика с т. Бухариным означала бы, что Коминтерн толкает партию на июльское поражение", что мы находимся „под впечатлением болгарских и итальянских событий" и легкомысленно форси-

руем дело в Германии. Тов. Радек провел через президиум Исполкома телеграмму от 26 июля, которая гласит: „Президиум Коминтерна советует отказаться от уличных демонстраций 29 июля... Боимся западни“. Часть наших товарищей, положившись на т. Радека, поддержала его в этом.

Тов. Троцкий был запрошен также по этому поводу, он ответил, что воздерживается, так как не имеет всех материалов.

Таким образом, расхождение было такое. Мы с Бухариным говорили: поздравляем с этим шагом, сугубо поддерживаем это начало новой главы. Радек обвинял нас, что мы толкаем на июльскую бойню, на новые поражения. Радек вносил предложение об отмене фашистского дня. Тов. Троцкий воздерживается. Я не для упрека это привожу. Ошибаться можно, но нельзя же потом притти и бить нам челом нашим же добром, и говорить, что если бы мы были готовы немножечко раньше, то дело пошло бы лучше. Мы-то догадались, а вы и т. Радек не догадались. Зачем же с больной головы на здоровую валить? Или, когда говорят, что в начале рурского кризиса, дескать, вопрос решался, тогда нужно было видеть, что начинается новая глава! Опять с больной головы на здоровую! В Коминтерне состоялись две международных конференции в связи с Руром—одна в Эссене, другая во Франкфурте. Обе эти конференции мы рассматриваем, как начало новой главы.

Исполком Коминтерна в связи с этим принял целый ряд мероприятий. Почему т. Троцкий для объективности не отметил в своей брошюре, что т. Радек, который был больше всего знаком с этим движением, считался самым большим знатоком его, и действительно больше всего в нем работал, что он ошибся больше всех, что он держал партию за фалды, когда нужно было ее звать в бой, а не держать за фалды. Вот как, товарищи, распределялись действительно взгляды на этот вопрос у нас.

В чем разногласия сейчас в германской партии? Товарищи спорят, надо было или не надо было отступать, или если надо было, то надо ли было отступать без борьбы.

Товарищи, разногласия большие. Всем нам, проделавшим 2—3 революции, они очень хорошо знакомы. Лучшая часть германских рабочих горит негодованием, что партия отступила без боя, потому что настроение было гораздо более боевое, чем в первой германской революции. Надо слышать рассказы германских товарищей о том, как рабочие владели улицей, как стотысячные толпы рабочих не расходились до утра, овладевали грузовиками, как поднимались десятки тысяч женщин, шли впереди, как в Рурском бассейне немецкие женщины поднимали худых детишек своих навстречу французским солдатам и как французские солдаты опускали винтовки, и начиналось братание, как рабочие повернулись спиной к своим вождям соц.-демократам и шли только за коммунистами. Из этих рассказов ясно, что там был громадный подъем партии.

После октябрьского совещания у германских товарищей создалось настроение, что завтра грянет бой, что завтра они пойдут или на победу, или на смерть. Поэтому внезапное отступление отозвалось большой депрессией и разочарованием. А тут, в связи со всем этим, саксонский тяжелый опыт. Вы помните, товарищи, тот взгляд, которого держался Исполком Коминтерна на вступление коммунистов в саксонское правительство. Но, товарищи, как вышло на деле? На деле вышло, можно сказать, совсем наоборот. В правительство вошли три члена Центрального Комитета нашей партии—Бетхер, Геккер и Брандлер. Брандлер взял не министерство, а правительственную канцелярию. Мы все здесь потирали руки от удовольствия и говорили: нет хитрее германской

коммунистической партии,—она взяла себе главную правительственную канцелярию. Брандлер вошел туда, и ему будет подчинена полиция и вообще весь аппарат. Но мы были глубоко разочарованы; тут не было никакой хитрости, а было чисто-немецкое преклонение перед правительственной канцелярией, где, казалось, находятся таинства всех таинств, и туда послали самого выдающегося работника Центрального Комитета партии. Они пробыли в правительстве всего 11 дней, даже 9 дней, потому что последние два дня они были уже между правительством и тюрьмой. Конечно, за 11 дней немного можно сделать, и Исполком Коминтерна, разумеется, не упрекает их в том, почему они не достали 60 тысяч винтовок и пр. В борьбе всегда можно потерпеть поражение, особенно в революционной борьбе, и вместо 60 тыс. винтовок получить пулю в лоб. Но надо было вести себя так, как подобает себя вести революционерам. На самом же деле они чувствовали себя соучастниками обыкновенной коалиции из коммунистов и социал-демократов. Они говорили, что „мы стоим на почве конституции", а не как-нибудь, что мы „ответственны только перед ландтагом", а не как-нибудь. Тут сказались старые социал-демократические традиции. Бебель в свое время с успехом разоблачал реакционность правительства, которое попирало ногами свои же законы и свою же конституцию. Тогда это было революционной агитацией. Но если коммунисты берут бебельянские ноты теперь, в 1923 году, когда генерал Миллер марширует со своими войсками против них, если они в такой момент говорят, что они стоят „на почве конституции", что они „ответственны только перед ландтагом", то из этого получается банальная парламентская комедия.

Этот опыт участия наших товарищей в саксонском правительстве раскрыл нам глаза на многие слабости германской коммунистической партии, которые мы подозревали и раньше, но с особой наглядностью увидели теперь. Как только мы увидели ход этих событий, Исполком Коминтерна написал закрытое письмо германской коммунистической партии с просьбой дать его для прочтения всем членам Центрального Комитета. Мы все были согласны с ним, как и тов. Троцкий, который предлагал внести только некоторые редакционные поправки. В этом письме Исполком Коминтерна писал:

„Из вашей переоценки степени политической технической подготовки с неизбежностью получилась также политическая ошибка. Мы здесь, в Москве, как вам это хорошо известно, рассматривали вхождение коммунистов в саксонское правительство лишь как военно-стратегический маневр. Вы же превратили это вступление в политический блок с „левой" социал-демократией, связавшей руки вам. Мы представляли себе дело так, что вхождение в саксонское правительство явится завоеванием известного плацдарма для того, чтобы на нем начать разворачивать силы наших армий. Вы ухитрились превратить участие в саксонском министерстве в банальную парламентскую комбинацию с социал-демократами. В результате получилось наше политическое поражение. Хуже того: получилось нечто очень близкое к комедии. Поражение в бою мы перенести можем. Но когда революционная партия накануне восстания попадает прямо в смешное положение, это хуже, чем поражение. Партия совершенно не вела общегосударственной политики, которая могла и должна была бы явиться вступлением к решающему столкновению. Ни одного решительного революционного шага, ни одной даже сколько-нибудь яркой коммунистической речи, ни одного серьезного шага, чтобы двинуть дело вооружения в Саксонии, ни одной практической меры для создания Советов в Саксонии! Вместо всего этого „жест" Бетхера, заявившего, что он не уйдет из здания министерства,

пока не выведут его силой. Нет, товарищи, так революции не подготовляют".

Тов. Радек вместо того, чтобы указать германской партии на эту ошибку, стал в своих печатных выступлениях поддерживать правое крыло этой партии, которое хочет увековечить эту оппортунистическую „саксонскую" политику. Конечно, тт., не надо преувеличивать этих ошибок. Германская компартия все же одна из лучших секций Коминтерна, могучая пролетарская партия, партия, насчитывающая несколько сот тысяч рабочих, партия, которая приведет к победе германский рабочий класс. Но и она имеет свои слабости, и в ней есть остатки II Интернационала. Да это и естественно: ведь, мы родились из недр II Интернационала; III Интернационал не с неба свалился, и остатки II Интернационала есть в недрах всех партий. Да, нечего греха таить, и в нашей партии мы нашли сейчас мелкобуржуазные уклоны, а это что такое, как не остаток II Интернационала? Такие остатки есть безусловно и в германской партии. Ошибки будут исправлены, но лишь в том случае, если ошибки будем называть ошибками, если не будем превращать в перл создания то, что является явной ошибкой.

Радек стал на защиту правого крыла партии и начал сочинять целую философию, чтобы оправдать его оппортунистическое поведение. В чем это выразилось? Была созвана конференция после неудачи. На ней прошла резолюция, гвоздем которой являлось следующее положение: „Фашизм победил ноябрьскую республику, не победив, однако, рабочего класса". Мы, получив этот текст, сказали, что это или литературный выкрутас, или оппортунизм. Оказалось—то и другое. Частенько это бывает.

В самом деле, почему это положение неверно? Прежде всего, самое словоупотребление нам не нравится—„ноябрьская республика". Первая германская революция произошла в ноябре и называется ноябрьской. Конечно, в статье можно употребить это выражение, как мы, например, говорим: „июльская монархия". Но теперь, когда дело идет о теоретическом анализе, чтобы выяснить основные перспективы себе и германским рабочим, мы должны избегать такого словоупотребления. В данном случае уместнее другое словоупотребление, которому учил нас Маркс. Что представляет из себя сейчас Германия? Это—буржуазная демократическая республика. В начале ноябрьской республики она называла себя „социалистической", но это был обман. Она—буржуазно-демократическая республика,—это более правильно и ясно. Но дело, конечно, не в терминологии. Что значит „фашизм победил ноябрьскую республику, не победив, однако, рабочего класса..."? Не выходит это...

Какие выводы из этого сделали? Социал-демократия, говорят нам, была побеждена фашизмом. Между тем, именно это совершенно неверно. Если бы социал-демократия была побеждена в борьбе, мы должны были бы проводить совершенно иную тактику. Мы теперь предлагаем оборвать всякие переговоры с контр-революционными верхами германской социал-демократии. Но если бы было верно положение, что фашизм победил германскую социал-демократию в борьбе, то отсюда вытекало бы, наоборот, наше сближение с германской социал-демократией. Маркс учил нас, что если мелкобуржуазные партии, в данном случае с.-д. партии, борются с реакцией, то мы должны поддерживать эту борьбу. Но в том-то и дело, что вопрос стоит не так.

Тов. Радек вопрошает: кто господствует сейчас в Германии? И, отвечая:—генерал, делает вывод: стало-быть, фашисты победили соц.-демократию. Мы говорим: вовсе не „стало-быть". Кто господствует? Сект. А кто соучастник во власти? Германские социал-

демократы. Разве Эберт—президент, Зеверинг—министр внутренних дел Пруссии—не социал-демократы? Да мало того. Не только верхушка соц.-дем. соучаствует во власти. Разве мы не знаем, что пара десятков тысяч, если не больше, рядовых немецких социал-демократов тоже участвуют во власти в роли бургомистров, начальников полиции и т. д.? Это тоже кусочек власти. Несомненно, это так. Социал-демократия и сейчас остается соучастником во власти. Вот в этом гвоздь! Пять лет, начиная с ноябрьской революции, в Германии правит блок социал-демократии и буржуазии. Внутри этого блока время-от-времени меняется соотношение сил. Даже буржуазная революция в Германии произошла вопреки воле социал-демократии. Потом германская с.-д. взяла власть и стала на тормозах спускать германскую революцию, постепенно сдавая власть буржуазии. Сейчас мы видим блок социал-демократии и буржуазии. Социал-демократия—это и теперь соправительствующая партия в Германии, тов. Радек! Вот откуда вытекает наша тактика по отношению к социал-демократии. Дело в том, что сама социал-демократия стала фашистской. Товарищи, это явление замечается не только в Германии, но и во всем II Интернационале.

Посмотрите на Италию. Возьмите итальянскую партию Туратти. Туратти—оппортунист уже в течение 25-ти лет. Но можно ли было 10 лет тому назад сказать, что Туратти—социал-демократ фашистского типа? Нет, он был ревизионистом, издавал плохой журнал. А теперь это социал-демократ фашистского типа, его партия—крыло итальянского фашизма. Или возьмите Болгарию, более знакомую нам страну. Возьмите тамошних меньшевиков во главе с Сакызовым. Он 20 лет оппортунист. Но можно ли было сказать 10 лет тому назад про Сакызова, что это с.-д. фашистского типа? Плеханов ругал его за ревизионизм, за „критику“ марксизма. А теперь? А теперь этот Сакызов входит в правительство фашиста Цанкова, режет коммунистов и т. д. То же самое вы видите во всех партиях II Интернационала. То же самое было в Германии. Теперь нужно сказать рабочим, что социал-демократия стала крылом фашизма, а не переворачивать все вверх ногами и говорить, что фашизм победил социал-демократию, но не победил рабочих.

Отсюда вытекают две тактики. Если с.-д. стали крылом фашистов, тогда—за горло их, тогда надо отказываться от сношения с их верхами, тогда мы смотрим на них, как на людей, которые стоят по другую сторону баррикады. Новое в международном рабочем движении в чем заключается? В том, что социал-демократия становится крылом фашизма. Фашизм является теперь амальгамой черносотенства и социальной демагогии, прямой помещичьей реакции и щекотания инстинктов неимущих слоев населения. Мы это видим на примере Муссолини и других. Вот почему социал-демократии легко совокупиться с фашизмом. Это надо объяснять немецким рабочим.

Немецкая социал-демократия есть часть нынешнего правительствующего блока, несмотря на то, что там у власти стоят сейчас генералы. По типу нынешняя Германская республика не так уж отличается от любой буржуазной демократии, хотя бы французской. Зачем же вам брать терминологию, которую вам подсовывает буржуазная пресса, говорить о ноябрьской республике? Возьмите марксистский термин—буржуазная демократия. Тогда вы скажете рабочим то, что есть, то, что это в основном такая же буржуазная и такая же реакционная республика, как и во Франции.

Социал-демократия является крылом фашизма, а отсюда вытекает вся наша тактика. Тов. Радек ищет расхождений внутри фа-

шизма, которые есть и имеют известное значение. Но преувеличивая их, Радек фальшивым образом ориентирует всю немецкую партию. Отсюда то, что он защищает ту вопиющую вещь, которая была в Саксонии, которая является проявлением оппортунизма, которая расценивается нами, как банальная парламентская комедия. Он это защищает.

Вот в кратких чертах наши разногласия.

На фоне всех этих событий началась большая диференциация в ЦК германской компартии. В конечном счете оказалось, что германский ЦК в большинстве своем встал на ту же линию, как и Исполком Коминтерна. Там получилось соотношение такое: два человека на правой — Брандлер и Тальгеймер; 15 человек—в центре, мнения которого в общем и целом совпадают с нашей точкой зрения, только точка их зрения выражена слабо, менее ясно; затем левая, имеющая в ЦК 6—7 человек, которая больше обращает все взоры на прошлое, целиком критикует старую тактику, но, в конце-концов, тоже становится в главном на нашу точку зрения. В данное время происходит совещание.

Перед Исполкомом Коминтерна встал вопрос о том, что мы посоветуем сейчас германской партии. Исполком взял курс на то, чтобы повернуть партию против правых уклонов, против того правого уклона, который не случайно представляет там также тов. Радек, который у нас здесь иногда рядился в „левую“ тогу. Исполком взял курс на сближение 15-ти из большинства с левыми для выработки совместной платформы. Тов. Радек делал все возможное и невозможное для того, чтобы помешать Коминтерну провести это решение. Он прямо отказался подчиниться решению ЦК нашей партии, который дал определенные указания нашей делегации в Исполкоме. Мы спросили его: будешь проводить? Он сказал: нет, ибо я выбран Международным Конгрессом, а не вами. (Негодующие восклицания). Формально он прав: мы все выбраны Международным Конгрессом; но понятно, что мы должны там представлять нашу партию. Мы приняли решение, как вы, вероятно, знаете из газет, довести до сведения Исполкома Коминтерна, что он не представляет мнения нашей партии в этом вопросе. Товарищи Троцкий, Радек и Пятаков написали контр-тезисы, черновые, не обработанные, с которыми они обратились через голову нашего ЦК к немецким товарищам, не послав их даже в наш ЦК. Тов. Радек сделал все возможное, чтобы помешать Исполкому Коминтерна столковаться с большинством ЦК германской партии. Мы, другие члены Исполкома Коминтерна, сначала делали попытки соглашения, выбрали паритетную комиссию, чтобы там согласовать наши разногласия. Тт. Радек и Пятаков представили поправки оппортунистического типа, совершенно для нас неприемлемые. Мы были вынуждены их отвергнуть. Таким образом, мы делали все попытки к соглашению, а они делали все попытки к тому, чтобы фракционную борьбу перенести в Коминтерн. Вот как стоит вопрос.

Но все же я счастлив вам сказать, что вопреки всем этим помехам, несмотря на то, что тов. Троцкий и тов. Радек раньше имели значительный авторитет среди немецких товарищей, удалось уже добиться совместной резолюции по всем политическим вопросам большинства германского ЦК с левой. (Аплодисменты). Не дальше как сегодня закончила работу комиссия, которая важнейшую политическую резолюцию приняла единогласно. Еще на-днях, в последний момент, когда выбиралась комиссия, тов. Радек пытался разжечь фракционную борьбу между левыми и большинством ЦК. Он смеялся, что мы, Исполком Коминтерна, хотим устроить „свадьбу“ между левой и большинством ЦК. Мы отвечали,—что же плохого в том, что мы хотим устроить так-назы-

ваемую „свадьбу“ между большинством ЦК и левой, т.-е. Гамбургом и Берлином, где находятся лучшие революционные рабочие, без которых никакой революции в Германии сделать нельзя? Несмотря на слабости в прошлом, левые в общем сигнализировали оппортунистические опасности правильно. И сейчас они имеют лучшие связи с рабочим классом Германии, чем правые, из которых некоторые являются настоящими политическими банкротами. Плохо не то, что правые ошибались, а плохо то, что они не хотят понять своей ошибки, что мы видели и у нас во время нашей дискуссии.

Исполком Коминтерна ведет политику, чтобы ориентировать германскую партию налево, против оппортунистических опасностей. Тут тов. Троцкий прав, когда он пишет в той же книжке, что в 1921 году надо направлять германскую партию несколько направо, когда она в марте 1921 г. зарвалась, и что теперь партия по инерции продолжала видеть опасности слева. Сейчас наступил момент, когда опасность имеется с п р а в а. ЦК и Коминтерн сигнализировали это. Мы добились в основном соглашения основного ядра немецкой партии с представителями крупных левых пролетарских организаций, которые до сих пор были полны недоверия к отдельным представителям тех правых, которые еще недавно совершали саксонские ошибки, и которые явно социал-демократические ошибки пытались выдать за чистое золото научного коммунизма. Вот, товарищи, как обстоит дело. Чтобы закончить, я должен указать на то, что, повидимому, намечаются разногласия и в вопросе о тактике единого фронта.

Что такое тактика единого фронта? Мы сейчас даем еще раз точную формулировку этому. С нашей точки зрения, тактика единого фронта есть не что иное, как метод революционной агитации и мобилизации масс в той стадии движения, когда мы в меньшинстве, когда еще наступает капитал, когда мы обороняемся, когда социал-демократы еще сильны и т. д. Мы говорим, что это метод агитации и организации, и ничего другого. Кто говорит, что это значит что-то другое, тот подает палец социал-демократам. Радек и правое крыло германской компартии исходят именно из того, что тактика единого фронта представляет нечто другое, большее, чем метод агитации и организации. Они не договаривают до конца. Но они думают, что это означает вхождение в правительство вместе с с.-д., что из этого может выйти целый этап, что может быть осуществлено нечто в роде союза коммунистов с с.-д. на почве „демократии“ и т. п. Одно к одному. Отсюда этот взгляд на социал-демократию, как на, якобы, побежденную фашизмом.

Радек возражает, что он тоже ругает с.-д. Дело не в ругательствах, а дело в оценке, в классовом анализе. Вы можете их не слишком ругать, но скажите, что они сейчас участники фашистского блока, вместо того, чтобы говорить, что они побеждены, что они—жертва фашизма,—тогда получится другая перспектива. Отсюда и неверный взгляд на тактику единого фронта.

Здесь была недоговоренность, теперь нужно занять ясную позицию. Наша позиция в Исполкоме Коминтерна такова, что тактика единого фронта есть не что иное, как метод агитации и мобилизации, метод маневрирования в социал-демократическом окружении, но не какая-то демократическая коалиция с с.-д. на парламентской почве. По этому вопросу надо договориться ясно. Тов. Радек угрожал, что на этой почве будет кризис в Коминтерне. Я думаю, что этого не будет, но если это неизбежно, нужно сказать: чем скорее, тем лучше. Мы должны в Коминтерне поставить эти вопросы ребром, наша партия должна по ним высказаться и на основе своего опыта показать дорогу рабочим других стран.

Вот те разногласия, которые стоят перед нами. Вы видите, что борьба перебросилась отчасти и по коминтерновской линии, что в Коминтерне пытались построить фронт против линии нашей партии. Тов. Радек в Москве говорил студентам, что ЦК через Исполком Коминтерна губит германскую партию. Мы, как горячие интернационалисты, отнеслись бы безжалостно к тому Центр. Комитету, который позволил бы себе небрежно относиться к братской партии, ждущей от него руководства. С нас нужно было бы за это три шкуры содрать, если бы в этом вопросе мы в самом деле допустили ошибку. Но дело в том, что и в этом вопросе роли опять распределяются так фатально, что те товарищи, которые обвиняют ЦК в перерождении, на самом деле сами держатся за фалды того правого крыла, которое собрало только два голоса из 25-ти в своем собственном ЦК. В этом вопросе они опять оказываются на правой стороне, а не там, где должны стоять настоящие марксисты-большевики.

Положение Коминтерна, конечно, трудно. Приходится через поражения вести рабочий класс постепенно к победам. Мы уверены, что последние события в Польше, Германии и Болгарии все-таки есть начало новой волны международной революции, которая, может-быть, пойдет еще на убыль, затем опять будет подниматься. Но это есть события крупной важности.

Правительство Макдональда будет тоже „рабочим правительством", и рабочие будут учиться. Коминтерн, несомненно, выполнит свою историческую миссию, если мы не позволим действовать такими методами, какие мы видели здесь со стороны Радека, если мы не позволим перенести фракционные методы в организацию международного масштаба. Не у всех компартий партаппарат такой, как наш. У них нет такого твердого костяка, как у нас с вами. Я думаю, теперь уже ясно, что тот, кто захочет наскочить на нас, на наш аппарат, у того наверняка останется на лбу шишка. (Смех, аплодисменты). У молодых братских коммунистических партий нет еще такой закаленности, такого твердого аппарата и руководства, и там действительно можно наделать много бед. Мы за эти партии несем большую ответственность. Имейте в виду, товарищи, что если вы сидите у себя в Оренбурге или Екатеринбурге, то вы там тоже несете частицу ответственности за весь Коминтерн, за эту величайшую рабочую организацию мира. А нести ответственность за работу этой организации при отсутствии Ильича— дело отнюдь нелегкое. И я думаю, что в этом вопросе мы должны быть особенно непримиримыми и особенно „твердокаменными", как полагается большевикам-ленинцам. Мы должны здесь сказать, товарищи, твердо, что не позволим тут шуток, не позволим дергать братские коммунистические партии, не позволим рвать международную дисциплину, не позволим переносить фракционную борьбу в ряды Коминтерна, в ряды международной организации пролетариата. Надо доказать, товарищи, и в этом будут согласны все партии Коминтерна, что мы, несмотря на все, будем продолжать твердо руководить Коминтерном, и если будут прыжки направо тов. Радека и других, то мы таких людей быстро поставим на место. В настоящее время Коминтерн в целом, а в Германии особенно, должен направить усилия против правых ошибок, которые предлагает тов. Радек.

Товарищи, которые пережили революцию не только 1917, но и 1905 года, знают, каков должен быть подход к этим разногласиям, по какой линии идут эти разногласия. Помните, как Мартов искал разногласий между кадетами и октябристами, между Милюковым и Гучковым. Эти разногласия между Милюковым и Гучковым, конечно, были, но это были только частности и оттенки. Мартов утоп в попытках на этих тонких различиях построить тактику партии; как бы и Радек

на этом не утоп. Кроме Гучкова и Милюкова, был и Пуришкевич, был союз русского народа. Это были зачатки русского фашизма. Его черные сотни были боевыми оранизациями русского фашизма. Они имели зацепку в массах, имели зацепку в деревнях, они одно время имели за собой дворника, извозчика, кухарку, имели за собой мелкий люд. Мы все помним прекрасно, как во время декабрьского восстания, когда за нашими боевиками пошел д-орник, пошел мелкий люд, тов. Ленин отмечал это, как величайшее наше достижение. Русский фашизм имел значительное влияние среди мелкого люда, точно так же, как немецкий фашизм имеет сейчас значительное влияние среди интеллигенции и мелкой буржуазии. Радек прав, что надо попытаться отвоевать из-под влияния германского фашизма эти мелкобуржуазные слои. Мы здесь согласны с ним. Но надо совершенно ясно видеть, товарищи, что все-таки нашу тактику строить нужно не на противоречиях между династией Виттельсбахов и династией Гогенцоллернов, как говорит т. Радек в своей резолюции. Конечно, между ними есть разногласия, как они были между шайкой Н. Н. Романова и шайкой Николая II, но на этом строить тактику пролетарской партии нельзя. Я думаю, что наше единодушное решение должно состоять в том, чтобы подкрепить германскую партию. Германская партия уже сейчас не верит сказкам о том, что у нас в России большой кризис в партии. Некоторые немецкие товарищи, пробыв здесь несколько недель, кое-чему научились. Их ЦК кое-чему научил. Когда они увидели, как наш ЦК вел борьбу за Москву, когда ее пытались вырвать из его рук оппозиционеры, эти товарищи говорили: вот если бы у нас был такой ЦК, было бы неплохо. (Смех, аплодисменты). Я, товарищи, думаю, что этот опыт для них очень пригодится.

Мы считаем счастливейшим предзнаменованием для германской коммунистической партии, что при помощи Исполкома Коминтерна ей удалось выработать единую политическую платформу большинства ЦК и левых представителей гамбургской, берлинской и рурской организаций, единую платформу, которая под контролем Коминтерна будет теперь, вероятно, проводиться и на партийном съезде в Германии, и которая перестроит все ряды в Германии против оппортунистического уклона. Мы считаем это счастливым предзнаменованием для германской коммунистической партии, которая, что ни говорите, несмотря на все промахи,—сильная партия и стоит перед громаднейшими задачами.

Коминтерн строит сейчас свою тактику в Германии, наученный горьким опытом, на двух возможностях: на возможности более быстрого развития событий, быть-может, даже нынешней зимой, или на возможности более длительного затишья.

Вы помните, товарищи, что после 1905 года большевизм почти полтора года не знал, к чему идет дело,—на полосу более длительной контр-революции или на более быстрый новый подъем революции, и мы это оценили только в 1907 году, да и то еще с колебаниями.

Понятно, что и в Германии мы не можем сказать, на что там дело идет,—на немедленную развязку или на более или менее длительное затишье. Как-будто все указывает на менее длительную полосу затишья, чем было у нас. Конечно, мы не историки, а живая политическая партия, и от нас тоже зависит этот параллелограм сил.

В этом пункте—в деле компартии—мы меньше всего можем позволить нашим оппозиционерам легкомысленные шутки. Германская коммунистическая партия, что ни говори, в силу исторических судеб стоит на аванпостах международной революции.

Конечно, товарищи, решение нашей партии в данный момент имеет больший удельный вес, чем когда бы то ни было. Правый уклон в немецкой партии Исполком Коминтерна выправит очень ско-

ро, несмотря на то, что в этом правом уклоне товарищи имели поддержку в лице тов. Радека и отчасти Троцкого. Мы надеемся, что тов. Радек еще сознает свою ошибку, и, конечно, это будет самым лучшим исходом и для нас, и для германской коммунистической партии, и для него самого. Но если бы он этих ошибок не сознал, мы будем иметь достаточно силы воли и организованности для того, чтобы вопреки этой ошибке провести ту линию, которую мы считаем единственно правильной.

Подводя итоги, товарищи, я говорю, что ЦК партии, который только-что подвергся такой бешеной атаке, и который, кажется, недурно отбил эту атаку, ведет и здесь совершенно правильную, ленинскую линию.

Вы имеете перед собой две группы вопросов: вопросы международной политики, прямо связанные и с Макдональдом, и с Пуанкаре, и с предложением Радека и Красина итти на новые уступки; вы имеете и другую группу вопросов по другой линии—по коминтерновской, связанную с громаднейшим, величайшим опытом международного рабочего движения, проделанным германской коммунистической партией в месяцы: август 1923—январь 1924 года. И по той, и по другой линии мы стоим накануне решений, которые определят ход событий на долгие месяцы, а может-быть, и годы. Само собой разумеется, что мы должны все эти решения обдумать, взвесить, но в общих чертах решение намечено, а в деталях и в отделке мы еще над ними будем работать, прорабатывать и продумывать.

Я прошу нашу конференцию, чтобы она всю силу своего влияния положила на чашу весов. А ее влияние немалое, вопреки мнению даже ячейки Московского военного округа, которая авансом написала, что на конференции соберутся люди, которые не могут судить о событиях (где уж нам до Рафаила или Сапронова, всем собравшимся здесь). Все-таки я думаю, товарищи, что ленинская большевистская партия есть партия, что у нас в партии могут усесться на одном диване такие люди, которые думают, что наша конференция никого не представляет, кроме бюрократов. Наша конференция представляет нашу партию, как она есть, конечно, с некоторыми слабостями (полюбите нас черненькими), с некоторой твердокаменностью характера, с которой некоторым из вас впервые пришлось познакомиться. (Смех, аплодисменты).

Некоторые „оппозиционеры", кажется, впервые поняли, что такое большевистская партия. Так учитесь вот, что такое большевистская партия. Когда вы будете посягать на нее, когда будете пытаться ломать аппарат, ломать ЦК, вы встретите железную стену большевиков, которые умеют защищать свое дело со всею страстью революционеров. (Бурные долго не смолкающие аплодисменты). Немало товарищей обвиняли нас в том, что мы были резки. Представьте, даже давали сдачи, когда они нападали на ЦК, когда две ночи перед 1500 курсантов в Кремле доказывали, что они должны вынести недоверие ЦК РКП. Да, мы в этот момент были не совсем бесстрастны. Мы в этот момент проявили некоторую страстность, которая есть у большевиков, и мы ее проявим всякий раз, когда кто-либо будет посягать на единство нашей партии, будет выступать с такой критикой нашей партии, какую мы видели. Но мы проявим ее втройне, когда, пользуясь отраженным авторитетом нашей партии, играющей огромную роль в Коминтерне, попытаются эту фракционную борьбу перенести в Коминтерн. Мы дадим втройне отпор. И я ручаюсь, мы будем иметь на своей стороне все, что есть пролетарского, закаленного и революционного в Коминтерне. (Долгие бурные аплодисменты).

Заключительное слово.

Я не знаю, почему тов. Радек не хочет выступить перед нашей конференцией с защитой своей точки зрения. Теперь может создаться впечатление, что, может-быть, пленум ЦК помешал Радеку говорить. Тов. Радек в конце прений на пленуме ЦК выступил с полупокаянным предложением. Он говорил: „Запретите мне выступать, и я подчинюсь этому решению“. Мы ему ответили, что мы гнилого товара не покупаем (смех, аплодисменты), и что если он $1\frac{1}{2}$ месяца выступал против ЦК, так к чему теперь ему это запрещать, когда каждое его выступление лучше всего показывает правоту Центрального Комитета? Вот почему, товарищи, вы должны знать, что если т. Радек не развил все свои аргументы, то это не потому, что ЦК ему мешал. Центральный Комитет отказался от „жертвы“, которую он предлагал. Я, товарищи, не понимаю, почему перед студентами фон'а стоило излагать эти взгляды, а перед партийной конференцией не стоит. Там это излагалось весьма подробно... (голос: „и со вкусом“) и с большим вкусом. Я должен сказать, что, впервые узнав от т. Каменева об этих выступлениях Радека, я по старому большевистскому методу написал „бумажку“ т. Радеку: „Не будете ли вы так добры сообщить письменно то, что вы говорили в своем выступлении, чтобы я мог поставить вопрос в ЦК?“. Но т. Радек не ответил тогда. Я счел своим долгом обратиться в ЦКК. ЦКК его запросила и также успеха не имела. Наконец, на четвертый запрос он ответил.

Товарищи, выступления Радека за большие уступки Западу начались давно. Он был один из немногих, которые голосовали за концессию Уркварта, — это его право, но это определенная линия с первого дня. И я выражаю сожаление, что в защиту этой линии так же, как и в защиту своей коминтерновской позиции, он не хочет нам здесь ничего сказать.

Насчет „Детской болезни“ Ильича, это очень хорошо, что т. Радек советует прочитать цитату, я иду даже дальше и советую прочитать всю эту брошюру, которая доставляет всякому читающему большое эстетическое удовольствие, но чтобы делать отсюда выводы о печальном саксонском опыте, я этого не понимаю. Я хочу только еще раз подчеркнуть, что тов. Радек не развил своей аргументации по своей доброй воле. Что касается агитации в Германии, то Радеком все сделано в этом отношении, и если в горящий огонь лить воду, то не всегда зальешь этот огонь. Я думаю, однако, что огромное большинство германской партии поможет изжить без конвульсии тот тяжелый кризис, в котором мы находимся. (Голос с места: „Радек без боя отступил“).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Резолюция об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии.

(Принята на XIII партконференции всеми против трех).

1. Возникновение дискуссии.

Уже сентябрьский (1923 г.) пленум Центрального Комитета и еще ранее Политбюро Центрального Комитета нашей партии задолго до каких бы то ни было выступлений „оппозиции“ поставили вопрос о необходимости оживления партийной работы и усиления рабочей демократии внутри партии.

С одной стороны, подъем промышленности, прекративший деклассирование пролетариата, культурный рост рабочего класса, рост активности в среде его создавали более благоприятные условия для действительного проведения начал внутрипартийной демократии. С другой стороны, летние экономические конфликты, хотя сами по себе и не имевшие угрожающего значения и по размерам гораздо меньшие, чем это бывало в прошлом, указывали на то, что местами связь партийных организаций с беспартийной рабочей массой недостаточно сильна.

Центральный Комитет партии отдавал себе отчет в том, что переход на новые рельсы должен быть совершен обдуманно, осторожно и после серьезной подготовки. В сознании этого ЦК партии в сентябре 1923 года приступил к подготовительным работам в этой области.

В это время старые оппозиционные группы и группки, политика которых не раз уже была осуждена партией, сочли момент подходящим для того, чтобы перейти в атаку против ЦК партии. Рассчитав, что вопрос о внутрипартийной демократии вызовет обостренное внимание со стороны всех членов партии, оппозиционные группы решили поэксплоатировать этот лозунг во фракционных целях. После сентябрьского постановления пленума ЦК РКП появилось письмо тов. Троцкого и вслед за ним письмо 46-ти. Эти документы давали совершенно неправильную и ультрафракционную оценку экономического положения в стране и внутреннего состояния партии, предрекали глубокий экономический кризис в республике и внутренний кризис в партии, выдвигая против ЦК партии обвинения в неправильном руководстве.

Вред этих фракционных выступлений тов. Троцкого и 46-ти усугублялся тем, что названные письма немедленно же стали достоянием широких кругов членов партии, широко распространялись в районах, среди учащейся молодежи в Москве и немедленно же стали распространяться также по всему Союзу ССР.

Октябрьское совместное заседание пленумов ЦК и ЦКК с участием представителей от 10-ти крупнейших парторганизаций заслуженно осудило выступление т. Троцкого и 46-ти, как акт фракционности, и в то же время совместные пленумы ЦК и ЦКК единодушно одобрили инициативу Политбюро в вопросе об оживлении внутрипартийной работы и усилении рабочей демократии. Совместные пленумы ЦК и ЦКК постановили не выносить поднятые тов. Троцким и 46-ю споры за пределы Центрального Комитета, не оглашать писем тов. Троцкого и 46-ти, равно как и ответа Политбюро и осудившую „оппозицию“ большинством 102-х против 2-х при 10-ти воздержавшихся резолюцию ЦК и ЦКК.

Тем не менее, тов. Троцкий и 46 его сторонников не подчинились решению столь авторитетного партийного учреждения и продолжали систематический поход против ЦК партии сначала в широких кругах Московской организации, а затем и по всему Союзу ССР.

Политбюро, руководясь решением совместных пленумов, приступило к выработке резолюции о внутрипартийном положении и о рабочей демократии. Несмотря на фракционное выступление тов. Троцкого, большинство Политбюро сочло необходимым добиваться соглашения с ним. В результате длительных усилий большинства Политбюро была принята единогласно и 5-го декабря 1923 года была опубликована резолюция Политбюро и Президиума ЦКК о внутрипартийном строительстве.

Одним из наиболее спорных вопросов при выработке резолюции Политбюро и Президиума ЦКК был вопрос о фракциях. При выработке резолюции Политбюро и Президиума ЦКК тов. Троцкий сначала не возражал против запрещения фракций, но в то же время настаивал на том, чтобы не была запрещена свобода группировок. Тем не менее, удалось выработать единогласный текст, который в вопросе о фракциях ссылался на постановление X Съезда РКП.

Но „оппозиция“ продолжала свою фракционную борьбу. В то время как большинство ЦК и ЦКК, связанное своим собственным постановлением о неопубликовании известных документов, лойяльно проводило это решение, „оппозиция“ продолжала широко распространять свои фракционные документы. Через два дня после опубликования единогласно принятой резолюции Политбюро и Президиума ЦКК тов. Троцкий выступил с известным письмом под заглавием „Новый курс“, которое на деле было фракционным манифестом, направленным против ЦК. Появившиеся вслед за тем статьи тов. Троцкого еще больше подчеркнули фракционность его выступлений—так же, как и брошюра тов. Троцкого („Новый курс“), появившаяся в день открытия всесоюзной партконференции.

С момента появления фракционного манифеста т. Троцкого борьба обостряется еще больше. „Оппозиция“ поднимает в Москве, в особенности в военных ячейках и в ячейках вуз‘ов, небывалую еще в истории нашей партии кампанию против ЦК, сея недоверие к Центральному Комитету партии. По всей России „оппозицией“ рассылаются ее представители. Борьба принимает неслыханно острые формы. Ядром „оппозиции“ выступают члены бывшей группы „демократического централизма“, боровшейся против линии партии в течение ряда лет. К этому ядру присоединяются несколько бывших членов Центрального Комитета, не переизбранных на X Съезде РКП, по предложению тов. Ленина (Преображенский, Смирнов, Серебряков). Весь этот оппозиционный блок возглавляется тов. Троцким и поэтому на первых порах получает некоторый авторитет.

2. Идейная сущность „оппозиции“.

Важнейшие пункты разногласий громадного большинства нашей партии с нынешней „оппозицией“, как выяснилось из хода дискуссии, сводятся в основном к следующим шести пунктам:

1) „Оппозиция“, возглавляемая тов. Троцким, выступила с лозунгом ломки партаппарата и попыталась перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на „бюрократизм“ в аппарате партии. Такая огульная критика и попытка прямого дискредитирования партийного аппарата объективно не могут привести ни к чему другому, как к эмансипации государственного аппарата от влияния на него со стороны партии, к отрыву государственных органов от партии. Тенденция к отрыву органов государства от влияния партии появилась у тов. Троцкого еще перед XII Съездом РКП. В настоящей дискуссии эта тенденция приняла лишь другую форму.

2) „Оппозиция“ попыталась противопоставить партийный молодняк основным кадрам партии и ее Центральному Комитету. Вместо того, чтобы учить молодежь тому, что партия наша должна равняться по ее основному пролетарскому ядру, по рабочим-коммунистам, работающим у станка, „оппозиция“, возглавляемая тов. Троцким, стала доказывать, что „барометром“ для партии является учащаяся молодежь.

3) Тов. Троцкий выступил с неопределенными намеками на перерождение основных кадров нашей партии и тем самым попытался подорвать авторитет Центрального Комитета, который между съездами является единственным представителем всей партии. Тов. Троцкий не только попытался противопоставить себя всему остальному Центральному Комитету, но и допустил такие обвинения, которые не могли не вызвать беспокойство в широких кругах рабочего класса и бурный протест в рядах всей партии.

4) В вопросах экономики „оппозиция“ проявила наибольшее банкротство, не сумев абсолютно ничем подкрепить свои обвинения против ЦК партии и не попытавшись даже противопоставить политике партии сколько-нибудь систематические предложения по вопросам хозяйства.

В критике хозяйственной политики партии у „оппозиции“ наметились два оттенка. Одна часть „оппозиции“ отдает обильную дань „левой“ фразе против нэп'а вообще, делая такие заявления, которые имели бы какой либо смысл лишь в том случае, если бы эти товарищи предлагали отказаться от нэп'а и вернуться к военному коммунизму. Другая, гораздо более влиятельная часть „оппозиции“, напротив, упрекает ЦК в том, что он недостаточно идет навстречу иностранному капиталу, делает недостаточно уступок империалистским державам и т. д. Эта часть „оппозиции“ (Радек) выступила с прямыми предложениями пересмотреть те условия, которые партия наметила в связи с Генуэзской конференцией, и пойти на большие экономические уступки международному империализму, в целях усиления деловых сношений с иностранным капиталом. Партия без всяких колебаний отклоняет обе эти ошибки.

5) „Оппозиция“ во всех своих оттенках обнаружила совершенно небольшевистские взгляды на значение партийной дисциплины. Выступления целого ряда представителей „оппозиции“ представляют собою вопиющее нарушение партийной дисциплины и напоминают те времена, когда тов. Ленину приходилось бороться против „интеллигентского анархизма“ в организационных вопросах и защищать основы пролетарской дисциплины в партии.

6) „Оппозиция“ явно нарушила постановление X Съезда РКП, запрещающее образование фракций внутри партии. Большевистский взгляд на партию, как на монолитное целое, „оппозиция“ заменяет взглядом на партию, как на сумму всевозможных течений и фракций. Эти течения, фракции и группировки согласно „новым“ взглядам „оппозиции“ должны быть равноправны в партии, а ЦК партии должен являться не столько руководителем партии, сколько простым регистратором и посредником между течениями и группировками. Такой взгляд на партию не имеет ничего общего с ленинизмом. Фракционная работа „оппозиции“ не могла не стать угрозой единству государственного аппарата. Фракционные выступления „оппозиции“ оживили надежды всех врагов партии, в том числе западно европейской буржуазии, на раскол в рядах РКП. Эти фракционные выступления вновь поставили перед партией со всей остротой вопрос о том, может ли РКП, стоящая у власти, допустить образование фракционных группировок внутри партии.

Подводя итоги этим разногласиям и анализируя весь характер выступлений представителей „оппозиции“, Всесоюзная Партконференция приходит к выводу, что в лице нынешней „оппозиции“ мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно-выраженный мелкобуржуазный уклон. Не подлежит никакому сомнению, что эта „оппозиция“ объективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской партии и ее политику. Принципы внутрипартийной демократии начинают уже истолковываться за пределами партии расширительно: в смысле ослабления диктатуры пролетариата и расширения политических прав новой буржуазии.

При том положении, что РКП, воплощающая диктатуру пролетариата, пользуется монополией легальности в стране, неизбежно, что наименее устойчивые группы коммунистов иногда поддаются непролетарским влияниям. Партия в целом должна видеть эти опасности и зорко охранять пролетарскую линию партии.

Против этого мелкобуржуазного уклона необходима систематическая и энергичная борьба всей нашей партии.

3. Положительные результаты дискуссии.

Рост активности и культурности широких слоев беспартийных рабочих и частью трудящихся крестьян является новым фактором, который при правильной политике партии принесет величайшую пользу делу революции. Дабы оказаться вполне на высоте положения, дабы иметь возможность руководить этими подымающимися к активному строительству социализма массовыми слоями рабочих и неимущих слоев крестьянства, сама партия должна была во что бы то ни стало оживить и активизировать свою внутреннюю жизнь. В этом смысле дискуссия, несмотря на мелкобуржуазные уклоны „оппозиции“, принесла серьезную пользу партии.

Мелкобуржуазные ошибки „оппозиции“ исправлены были партией быстро и решительно. Как только началась перекличка внутри партии, одна за другой крупнейшие пролетарские организации РКП выступили с суровой критикой мелкобуржуазных шатаний „оппозиции“ и поддержкой линии ЦК. Первой, как это бывало и прежде во время принципиальных дебатов в партии, выступила старейшая большевистская рабочая организация—Петроградская организация РКП. К письму Петроградской организации полностью присоединились десятки крупнейших пролетарских организаций Союза Республик. Резолюция Мо-

сковской Губернской Конференции, принятая громадным большинством голосов, выразила столь же решительное осуждение „оппозиции". К моменту Всесоюзной Партконференции вся партия в своем абсолютном подавляющем большинстве единодушно осудила мелкобуржуазный уклон.

В результате дискуссии основное ядро партии сплотилось еще больше. Рабочие ячейки по всему Союзу Республик, не колеблясь ни минуты, сразу же дали самый решительный отпор ошибкам „оппозиции". Партийный молодняк, впервые наблюдающий острые споры внутри партии, получил возможность на живом примере увидеть, что такое действительный большевизм. Наиболее близкая к фабрично-заводской жизни коммунистическая молодежь из Комсомола, без колебаний поддержала основную линию партии. Колебания части учащейся молодежи в вуз'ах—явление преходящее. При надлежащей разъяснительной работе со стороны партии эти колебания скоро будут изжиты.

Повысилась активность и сознательность всех членов партии. По-новому поставлены серьезные хозяйственные и партийные вопросы, которые будут прорабатываться партией в течение ближайшего периода.

С особенной остротой подчеркнуто было стремление всей партии к обеспечению партийного единства. Малейший намек на возможность угрозы раскола вызывал и вызывает самый острый и бурный протест со стороны всей массы членов партии. Партия политически уничтожит всякого, кто покусится на единство партийных рядов. Партийное единство обеспечено больше, чем когда бы то ни было.

4. Практические выводы.

Учитывая все положение вещей в партии, Всесоюзная Партконференция считает необходимым:

1) Увеличить во что бы то ни стало количественно пролетарское ядро партии и удельный вес его во всей политике партии. В течение ближайшего года необходима усиленная вербовка в члены партии рабочих от станка с тем, чтобы из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП не менее, чем 100.000 новых членов. Для этого необходимо всемерно облегчить рабочим вступление в партию. В то же время на этот же период должен быть окончательно закрыт прием в партию для всех непролетарских элементов. Внутри партии должна вестись систематическая пропаганда в том смысле, что вся партия должна равняться по своему основному рабочему ядру.

2) Для лучшего укрепления связи партии с беспартийными необходимо добиться того, чтобы во всех советах и во всех советских органах беспартийным рабочим было предоставлено не на словах, а на деле достаточно серьезное представительство. Центральный Комитет партии должен строжайше следить за проведением в жизнь этого решения и решительно призывать к порядку те местные организации, которые нарушают его.

3) Партийные организации должны повести особенно заботливую разъяснительную работу среди тех ячеек, которые в истекшей дискуссии в той или другой мере колебались в вопросе партийной линии. Разъяснение, разъяснение и еще раз разъяснение—вот главная задача, ложащаяся прежде всего на плечи основного кадра партии.

4) Особенное внимание должно быть посвящено разъяснительной работе среди молодежи. При недостатке материальных средств партия должна предпочесть иметь меньший контингент учащихся, но зато улучшить материальное положение учащихся и усилить каче-

ственную сторону работы в вуз'ах. Необходимо принять особые меры для того, чтобы обеспечить правильность партийного руководства работой среди молодежи. Партия не может допустить лести по адресу молодежи, но она не должна допускать также системы окриков и бюрократической опеки. Терпеливое разъяснение основ ленинизма одно только может достигнуть цели.

5) Одной из важнейших задач является поставить на должную высоту изучение истории РКП и, прежде всего, основных фактов борьбы большевизма с меньшевизмом, роли отдельных фракций и течений во время этой борьбы, в особенности тех эклектических фракций, которые пытались „примирить" большевизм с меньшевизмом. ЦК партии должен принять ряд мер для того, чтобы поставить на должную высоту издание надлежащих учебников по истории РКП, а также сделать обязательным преподавание истории партии во всех партшколах, в вуз'ах, кружках и т. д.

6) По образцу крупнейших пролетарских организаций необходимо создать во всех наших организациях кружки по изучению ленинизма, взяв, как основное пособие, прежде всего собрание сочинений тов. Ленина и обеспечив надлежащее руководство этими кружками.

7) Необходимо укрепить надлежащими силами центральный орган партии („Правду") с тем, чтобы он имел возможность систематически разъяснить основы большевизма и вести кампанию против всех уклонов от него.

8) Текущую дискуссию со страниц „Правды" в настоящий момент перенести на страницы специального „дискуссионного листка" при „Правде".

9) Свобода обсуждения внутри партии ни в коем случае не означает свободы подрыва партийной дисциплины. Центральный Комитет партии и все партийные центры на местах должны немедленно принять самые суровые меры для охраны железной большевистской дисциплины всюду, где ее пытаются колебать.

10) Против распространения непроверенных слухов и запрещенных к распространению документов и аналогичных приемов, являющихся излюбленным методом беспринципных групп, заразившихся мелкобуржуазными настроениями, должны быть приняты решительные меры вплоть до исключения из партии.

11) Необходима лучшая постановка информации о деятельности Центрального Комитета и внутрипартийной жизни вообще. С этой целью стенографические отчеты о заседаниях пленумов ЦК должны рассылаться всем членам и кандидатам ЦК и ЦКК. В „Правде", в „Известиях ЦК" и др. газетах в центре и на местах должен быть широко поставлен отдел партийной жизни. При ЦК партии должен быть создан специальный информационный отдел.

12) Особенное внимание должно быть посвящено правильной и здоровой постановке партийной работы в армии. За попытки вести фракционную „работу" в рядах Красной армии партия должна карать особенно сурово.

13) Конференция считает вполне целесообразным вновь полностью и безоговорочно присоединиться к решению X Съезда РКП, запретившего фракционные группировки. Конференция считает нужным предложить XIII Съезду РКП подтвердить это решение от имени высшего органа партии.

14) Конференция предлагает ЦК опубликовать до сих пор еще не опубликованный пункт 7-й резолюции об единстве, принятой, по предложению т. Ленина, X Съездом РКП, дающий право совместному заседанию ЦК и ЦКК $^2/_3$ голосов перевести из членов в кандидаты,

или даже исключить из партии любого члена ЦК, в случае нарушения партдисциплины или „допущения фракционности“.

15) Конференция не может пройти мимо решения последней Московской Губернской Конференции, доведшей до сведения всей партии, что в Москве создалась фракционная группировка, подрывающая единство партии. Конференция полагает, что ЦК партии и ЦКК должны немедленно же принять самые решительные меры, вплоть до исключения из партии, против тех, кто в главном политическом центре СССР пытается внести раскол в ряды партии.

Считая всероссийскую дискуссию по обсуждавшимся до сих пор вопросам законченной, конференция призывает все партийные организации перейти к деловой работе. Основной предпосылкой дальнейших успехов пролетарской революции является незыблемое единство РКП—руководящей партии пролетарской диктатуры. Единство партии является основным достоянием пролетарского авангарда. Единство РКП необходимо охранять, как зеницу ока Всесоюзная Партконференция убеждена, что ЦК партии, вокруг которого, как показал исход дискуссии, вновь и вновь сплотилась вся партия, будет твердо охранять это единство.

Резолюция по докладу о международном положении.

(*Принята на XIII партконференции всеми при одном воздержавшемся*).

1) Признать правильной линию ЦК, легшую в основу тезисов об уроках германских событий.

2) Одобрить политику ЦК, направленную к соглашению с большинством германского ЦК на основе сотрудничества с „левой“.

3) Одобрить постановление ЦК от 27—XII—23 г. о неправильном поведении тов. Радека в германском вопросе, констатировавшее, что:

а) т. Радек держит курс целиком на поддержку правого меньшинства ЦК КПГ и дезавуирования левого крыла партии, что объективно грозит расколом германской компартии. Между тем, Политбюро ЦК РКП строит свою политику на поддержке громадного большинства ЦК КПГ и сотрудничества с левой при критике ее ошибок и поддержке того, что у нее есть правильного, равно и критике грубейших ошибок правых.

б) Общий взгляд тов. Радека на ход дальнейшей борьбы в Германии исходит из неправильной оценки классовых сил Германии: оппортунистическая переоценка разногласий внутри фашизма и попытка на этих разногласиях построить политику рабочего класса Германии.

В виду этого ЦК поставлен в необходимость довести до сведения ИККИ, что в данном вопросе тов. Радек не выражает мнения ЦК РКП.

4) Указать тов. Радеку на недопустимый в большевистской партии пример неподчинения члена ЦК РКП постановлению ЦК по международным вопросам.

5) Решительно предостеречь тов. Радека и др. товарищей из „оппозиции“ против перенесения в Коминтерн фракционной борьбы, чреватой крайне вредными последствиями для международного рабочего движения.

Резолюция по докладу тов. Зиновьева.

(Принята комфракцией II Съезда Советов СССР).

Комфракция II Съезда Советов Союза ССР, заслушав доклад тов. Зиновьева на заседании фракции 1-го февраля 1924 г., присоединяется к решениям Всесоюзной Партконференции по вопросу о партстроительстве и об итогах дискуссии.

ЦЕНА 30 КОП. ЧЕРВ.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР—Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Крестовоздвиж. пер.).
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА—Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й дом Советов—„Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, дом № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

